

ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ¹

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: При анализе смены поколений чаще всего применяются родовые термины типа «разрыв поколений» или «конфликт», хотя на деле общественно значимые перемены связаны с изменениями всего строя мышления. Отчуждение от прежней цивилизации или культуры происходит от иного понимания реальности как замещения и разрушения актуального виртуальным, которое становится одним из вирусов и которое не ждёт помощи от прошлого. По мнению Бодрийяра, в реальном мире нет коммуникации, «вещи становятся слишком реальными», человек оказывается в «чрезмерной близости к вещам», несущим вирусную инфекцию. Вирус – сама информация и деструктор информации. Философские учения, созданные в предшествующей цивилизации, но проанализированные в ситуации новой виртуальности, могут быть представлены как знаки издавна распространявшегося в обществе недовольства ситуацией, характерного для людей, не видящих своего противника и не получавших достойного ответа в рамках критической мысли.

Ключевые слова: поколение, вирус, традиция, методология, диссидент, диалог культур, гибридность, свобода, необходимость, риск, другое начало, вероятностный путь знания.

Работа памяти, или Что называть поколением

Людям нашего поколения или поколения, рядом и одновременно с которым мы жили, ставят мемориальные доски. В 2016 г. в Симферополе на доме, где родился и вырос М.Я. Гефтер, была установлена мемориальная доска и проведена первая международная конференция «Гефтеровские чтения», приуроченная к 75-летней годовщине со дня расстрела крымчаков и евреев, среди которых были его мать и бабушка.

В прошлом году едва не открыли в Бежецке памятную доску В.В. Бибихину, долгое время работавшему в Институте философии РАН, и провели там первые чтения его имени.

Это значит: пришла пора осмысления того, что собой представляет моё поколение.

Человека вспоминающего подстерегает множество опасностей. Почти забытый ныне писатель Ю.Н. Трифионов перечислил их: «...опасность излития еля, опасность соблазна сведения счетов, опасность преувеличения собственной персоны и, наконец, опасность вранья...

¹ Впервые опубликовано в: *Философские поколения...* 2022: 377–428.

Однако, несмотря на опасности, надо вспоминать – тут скрыта единственная возможность соревнования со временем. Человек обречён, время торжествует» [Трифонов 1979: 185]. Последнее выражение красиво, но точно ли? Человек ведь не только биологическое существо. «Воспоминания о муках немоты» обращены не к этому существу. Немота – одна из главных философских забот. Не случайно Трифонов во время обсуждения его рассказа «Урюк» хотел перевестись в университет на философский, как не случайно и то, что проблема поколений встала именно сейчас, во время пандемии, во время вируса, когда *sub specie mortis* потребовалось вникнуть в то, что иным философам стало очевидным давно.

Да и что считать поколением? Не отведённые же ему примерно 20 лет социологами? И не люди же, живущие «в одну историческую эпоху», ибо что считать одной исторической эпохой? Мы по опыту знаем, что в одном и том же доме могут соседствовать разные века.

«Поколение» – это живущие поколения

Попробуем поставить вопрос о поколении иначе: это проблема всей человеческой жизни, охватывающей тех, с кем человек жил, общался, работал, взаимодействовал в течение сознательной жизни и особенно в кризисные годы, чётко откладывающиеся в память события, при этом с оглядкой на ровесников, имея в виду их биологическую жизнь. Мои родители, моя семья или семьи, мои друзья, старшие и младшие, разных уровней авторитеты – «внахлест», а не «встык», по выражению Ю.А. Левады, – вместе мы составляли некое броуново движение и – оказывались разными. Это относится к послереволюционному XX столетию и уже пятой части XXI с социальным – сперва классовым – делением на рабочих, крестьян и служащих, куда входила и интеллигенция, потом – после уничтожения классов – социально пестро перемешанное, хотя на государственном уровне все ещё отдавалось предпочтение выходцам из пролетарских слоёв, а сейчас в основном люди делятся на богатых и бедных, успешных и неуспешных, старых и молодых, националистов и космополитов, разнопартийных и принципиально беспартийных граждан, бомжей и девушек с пониженной социальной ответственностью и т. д. Невольно вспоминаются средневековые классификации на просто монахов и странствующих монахов, студентов и странствующих студентов, крестьян послушных и крестьян мятежных – свидетельство пересмотра и упорядочения общественных структур.

К такому широкому выявлению спектра отношений применяются, как правило, родовые термины типа «разрыв поколений» или «конфликт», хотя на деле, как считает Ю.А. Левада, «общественно значимые перемены связаны преимущественно с трансформациями социальных институтов», например с изменением статуса Академии наук. Но само существование родовых терминов, без которых невозможно обойтись, свидетельствует по крайней мере о двух вещах: о том, что «...одним из факторов перемен оказывается деятельность относительно небольших групп молодых людей, ориентирующихся на нетрадиционные (часто внешние) образцы и способных влиять на элитарные слои и атмосферу общественной жизни... это, по существу ценностный раскол, воплощённый в противостоянии небольшой, но значимой группы доминирующей традиции, системе, строю» [Левада 2002: Б/с], а другим фактором является необходимость применения родовых терминов именно потому, что противостояние хотя внешне и происходит между «детьми» и «отцами» (ещё нет других терминов), но внутренне связано с требованиями институциональной переделки. Употребление старого понятийного аппарата при разворачивании новых программ существования свидетельствует не о «мнимых конструкциях», а сам кризис – внутр поколенческий и институциональный.

Я не согласна с мнением, будто поколение, вошедшее в «силу» в 1960–1970-е годы, к которому я, разумеется, отношусь и которое проложило путь к радикальным изменениям в обществе, не нашло в нем своего места [Там же]. Думаю, что и путь проложило, и место на-

шло, имея целью не только желание вернуть страну в «утраченное цивилизационное русло», как считал Ю.А. Левада и многие до сих пор, но и сменить образ мысли и способ действия. Это относится не только к противостоянию вертикально организованным системам, в которых были, а сейчас подчёркиваются сакрализованные нормы жизни, опора на традиции (Левада полагал, что они разрушены безвозвратно), но и к активному повороту (пока маломощному) к системам горизонтальным, предполагающим управление свободно варьирующимися проектами социальной деятельности, тем более что этому содействует и головной мозг с мгновенными переключениями скоростей между обеими половинами его префронтальной коры, которые в состоянии сосредоточения работают в тандеме.

И Дубин, и Ортега-и-Гассет, и другие (К. Мангейм, М.К. Петров, С.Н. Зенкин) писали о поколении во второй половине XX в. или в самом начале XXI. Казалось бы, многие характеристики должны были сохраниться. Но именно начало XXI в. дало резкий слом характеристик. За внешне уштамповавшимися выражениями выглядывает совсем иной стиль мышления – с другими целями, моралью, отношением к действительности.

Мыслью об изменении, о точках слома не удивить, это как бы знают все, как и то, что на исходе дней остаётся неудовлетворение. Можно вслед за Бердяевым это назвать «ощущением неудачи жизни» [Бердяев 1947: 34] не только из-за личных неурядиц, а из-за глобального – при совершенно новом качестве жизни, связанного с одеждой, пищей, технологиями, образованием, – ощущения возврата к некоей нулевой точке. Это же неслучайно: в политике нам постоянно напоминают о 1937 г., в истории – о невозможности изменения прошлого, т. е. о возвращении к мифу, к сходству и подобию, в медицине – о возвращении к осознанию мутирования вируса, при котором тело может жить без *res cogitans*, в философии, литературе и искусстве – о возвращении в нулевое время, чтобы всё начать сначала.

Дж. Агамбен, оценивая нынешний кризис, предположил, что «некоторым образом... чума уже была здесь; что, очевидно, условия жизни людей уже стали такими, что достаточно было внезапного знака, чтобы стало очевидно, каковы они, – нестерпимые». Это он считает «единственным позитивным фактом, который можно извлечь из нынешней ситуации... люди начинают задаваться вопросом, в правильном ли мире они живут». Вера в возможность «голового биологического существования», общим топосом которого становится лагерь, стала религией, востребованной не церковью, а наукой, способной «порождать предрассудки и страх» [Агамбен б/г].

Но такое положение дел можно фиксировать как предельное, когда метафорическое слипается с чистым («голым») значением. Есть, однако, и метафорическое выражение «вирус счастья», например, вовсе не подразумевающий несчастья. Этот перенос означает программное самовоспроизведение и самоизменение, создающее и новый код.

Термин «социальное кодирование» у нас в ходу с 1960-х гг., когда военное и послевоенное поколения только ещё входили в жизнь. Политики могут использовать «вирусный» смертоносный код, чтобы снова вернуться к образу врага, о котором подзабыли (Агамбен именно об этом!), философы же, даже не называя его так, пользуются им как метафорой некоего носителя информации и как некоего реагента ментальных событий, иногда называемых «другим», «другим началом», будто начало, если оно начинается, подразумевает рядом с собой что-то другое. Такая реакция может стать перформативной, а может выразить статус самого мышления, его скорость и вариабельность. Лагерь может обернуться свободой.

Пока же термин «поколение», сохраняя метафорический характер, одновременно вновь приобрёл и чётко возрастной параметр: с началом эпидемии ковида 65+ жёстко без испрашивания на это согласия было заперто в домах, да и остальные, иногда бесконтрольно, ограничены в передвижениях. Меры защиты воспринимались как меры ущемления прав человека. Единственное, что остаётся в неприкосновенности, это политика, ссوخшаяся до одного деления: демократы и прочие (почти по А. Платонову).

Способы и типы властвования остались со времён Аристотеля, им две с половиной тысячи лет. Не говорит ли это о глубокой консервативности человечества со всеми поколениями, вместе взятыми, а то, что принимается за революции, – на деле тяжкое, насильственное спрямление то и дело искривляющегося движения, делающее историю столь существенным фактором общечеловеческого развития?

Таким образом, говорить о поколении не трудно, а почти невозможно, ибо в каждом возрасте, равно и в индивиде, как в матрёшке, собран мир, собрано всё (чисто концептуалистское утверждение). И оно – одномоментно, что тоже давно подмечено (Гёте: «“Прошло” и “не было” равны между собой»). Это даёт мне право говорить даже о себе как поколении, если я сумею его обнаружить в себе. И суметь надо обнаружить не только собственное рождение, но и другого не как моего единомышленника, а как моего не-друга. Это парадокс, с которым я не могу ужиться. Гефтер сказал: «Фашизм – это антропологизм изначального убийства» [Павловский 2014: 323]. Но я не приемлю мысли о «проблеме показанности убийств для человека» [Там же: 336]. А мысль приемлет? И она – моя? Тогда что же такое «я», если не мысль, Cogito? Могу ведь я эту мысль уничтожить? В том-то и дело: мысль – это, наверное, единственное, что уничтожить, не прибегая к лоботомии, нельзя. Её можно запретить проговаривать.

1950–1990-е гг. – это откровенная сшибка двух (минимум) групп внутри одного поколения. Когда сейчас говорят: лишь пенсионеры за Сталина-Ленина, за всё самое анахроничное, это значит: новые тридцатилетние с нами пытаются распрощаться, даже не узнав нас.

Узлы жизни: «мы узнаны и развязаны для бытия»

XX съезд главной и единственной – коммунистической – партии Советского Союза, на котором Хрущев произнёс свой секретный доклад, состоялся в феврале 1956 г., а в октябре начались венгерские события. Это был основной страшный 382 узел нашей жизни, ибо надо было понять, как, освобождаясь от силы культа личности, можно было вводить культ правильного образа жизни оружием?

В класс пришла девочка, вернувшаяся с папой-военным из Венгрии. Мы (несколько человек) обступили её: что там? как там? Она только улыбалась. Не сказала ничего, кроме каких-то банальностей. Семьи стали увеличиваться и распадаться: возвращались из лагерей отцы, которые до того считались – у кого как – пропавшими без вести, погибшими, разведёнными, умершими... Многие из вернувшихся не могли вписаться в существующую жизнь своих близких. Начались реабилитации. Мы однажды обступили нашего учителя истории, впоследствии знаменитого по Москве Леонида Исидоровича Мильграма, просили разъяснить нам смысл XX съезда: ничего, кроме затасканного, прочитанного в газетах и уже появлявшегося в рассказах вернувшихся людей, он нам не сказал – лишь про по-прежнему руководящую роль партии, которая признала свои ошибки.

Спрашивали его мнение о книге В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым» о разгроме генетики – тоже какое-то мычание. Семья Дудинцевых переехала в соседний дом, его дочка Люба училась с моей сестрой в одном классе (потом даже какое-то время жила в нашей с мамой комнате), и мы предпочли ходить к ним домой в надежде кое-что выяснить. Но о том, что было, все как-то глухо молчали или всё ступёвывали по разным причинам. Одни в силу партийной дисциплины, другие не хотели нас травмировать, третьи хотели, чтобы мы не знали о прошлых ужасах. Мы, школьники, должны были докапываться до всего сами.

Прежде всего – до причин возникновения культа личности (так назывался период репрессий: репрессий классовых врагов, репрессий крестьянства, рабочих, интеллигенции, смешения всех слоёв общества), до причин разоблачения этого культа, спровоцировавшего оттепель, до анализа результатов его воздействия. Потому стали отыскивать людей, ставших его жертвами. Время изысканий составило более 30 (!) лет: впервые краткий (!) список уничто-

женных философов был приведён в статье Огурцова «Подавление философии» [Огурцов 1989: 161–183], где фигурировал Я.Э. Стэн, который учил Сталина философии и чью статью «Философия», написанную для Большой советской энциклопедии, присвоил акад. Митин.

В.С. Библер, когда много лет спустя мы всерьёз встали перед выбором проблем исследований (кого интересовала античность, кого средневековье, Новое время) и ради осмысления понятия диалога культур после многолетнего диктата одной идеологии, сказал: феноменально всех интересовало разное, но в глубине всегда был интерес к современности как стяжке по-разному возникавших проблем и возможности их перерешения. То же говорил и М.Я. Гефтер, и именно потому они на какое-то время (всего лишь на год!) объединились в секторе методологии истории.

Об оттепели написано много. В недавно вышедшей книге С. Чупринина «Оттепель. События. Март 1953 – август 1968 года» два эпитафия. Первый: десятикратно повторённые строчки «А мы просо сеяли, сеяли... А мы просо вытопчем, вытопчем...», второй – стихотворение об оттепели Н. Заболоцкого, опубликованное в «Новом мире» в 1953 г. (обычно начало оттепели отсчитывали от одноимённой повести И.Г. Эренбурга 1954 г.). Это гораздо точнее – «оттепель после метели»: отметелили столько, что дальше уже было некуда, обэриут Заболоцкий, писавший о Трагедии разума, прошёл через ГУЛАГ, а после возвращения снимал жильё в Переделкине у П.В. Ильенкова, отца философа Э.В. Ильенкова – так затягивались литературные и философские узлы.

Книга Чупринина – документы, т. е. то, что имеет дату возникновения события (сева ли, вытаптывания) с его эмоциями и мыслями, возникавшими по ходу его восприятия. Если говорить об эмоциях, то в рассказе о смерти Сталина, конечно, главным их выражением были рыдания большинства, смех и шутки меньшинства при всеобщем затишье и всеобщая дрожь. Чупринин с упоминания этой дрожи едва ли не начинает книгу. И с выдержек из дневника историка С.С. Дмитриева, судьбу которого едва не искалечил Гефтер, сыгравший большую роль в мой судьбе.

Перечень писателей, поэтов, художников, философов, откликнувшихся на смерть Сталина, позволяет представить, сколько из них, кто именно и как совершал затем личный подвиг вытягивания себя из жуткого, репрессивного, идеологически оправленного морока. Кто-то остался ему верен, кто-то не выдержал и покончил с собой, кто-то сделал усилие. В статье П.Д. Тищенко «Биография В.С. Библиера как опыт радикального выбора себя» показаны пять жизненных перипетий Владимира Соломоновича, когда он каждый раз отвечал на «вызовы конкретной исторической ситуации, преломлённой через свою личную в неё включённость». Так, например, он «принял войну как исполнение долга», когда раскололся мир и человек увидел себя в просвете жёсткого различия на своих и врагов. Это видение распада мысли, в самом основании которого происходит переопределение логики, стало в дальнейшем основанием для его философии диалога культур. И если в этой первой «апории самосознания» Библиер предстаёт как частное лицо, вызволяющее себя «из варварской стихии войны», то дальше идёт «призвание себя как философа, как автора, сбежавшего с передовых позиций борьбы с вражеской агентурой» (Библиер работал в смерше) и занявшегося борьбой «с буржуазной идеологией, ревизионизмом», написавшего в 1948 г. статью «Поход господ шумахерцов против демократии и социализма» и кандидатскую диссертацию на ту же тему [Тищенко 2018; см. также: Ахутин 2020].

В это же время Гефтер применяет ту же тактику в «Литературке» (см. ниже), обличая своих братьев-историков в буржуазном эпигонстве. (Накал от таких оборотов речи снизился лишь к концу 1960-х, дальше они стали многими 384 восприниматься иронически.) Это были их годы «детской болезни левизны»: борьба с космополитизмом отрезвила обоих. Библиер, вынужденный искать работу за пределами Москвы, в Сталинабаде, радикально изменил свой образ мысли, который к этому времени стал выглядеть примерно так: «Я философ еврей, то есть космополит, безродный гражданин мира, в речи которого этот мир обретает себя впер-

вые» [Ахутин, Берлянд 2020]. И для Гефтера кампания против космополитов переросла многое: в дальнейшем именно он стал президентом научно-просветительского центра «Холокост» и написал книгу «Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос», организовывал в 1994 г. первый международный симпозиум, посвящённый холокосту, в котором я ему помогала (мы с И.А. Альтманом даже издали книгу по материалам этого симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия» – к сожалению, уже после смерти Гефтера, – в которой участвовали Марек Эдельман, организатор восстания в Варшавском гетто, Адам Михник, один из деятелей польской «Солидарности», сподвижник Леха Валенсы, главный редактор газеты «Выборчей», у меня до сих пор хранится его визитная карточка). Второй симпозиум мы организовывали уже без Гефтера. Он проходил в РГГУ при участии А.Б. Рогинского.

«Моё» поколение входило в жизнь с оттепельным настроением.

В 1958 г., когда я поступала в МГУ, и не на философский (на первой отборочной комиссии мне посоветовали туда не поступать, как за год до того и В.В. Бибихину), а на исторический факультет, отбор был жёстким. Проходной балл для бывших десятиклассников был 16, т. е. все четвёрки, что редкость для МГУ. Мы мало того что попали в так называемый хрущёвский набор (20 % десятиклассников и 80 % производственников и отслуживших военную службу), но наш курс набирался через полгода после «дела историков», или «дела Краснопевцева», которым мы потихоньку начали интересоваться. Л.Н. Краснопевцев и Л.А. Рендель в 1956 г. организовали кружок «Союз патриотов», стараясь не только адекватно прочитать классиков марксизма (историки вынужденно стали заниматься философией), но выступали за право создания рабочих советов на предприятиях, за отмену 58-й статьи Конституции, распространяли листовки. В кружок входили секретарь партбюро кафедры Н.Г. Обушенков, М.С. Гольдман, В.М. Козовой, В.Б. Меньшиков, М.И. Семёненко, М.А. Чешков, будущий академик-историк Николай Николаевич Покровский, ученик М.Н. Тихомирова. Все получили реальные лагерные сроки. Статьи Ренделя и Чешкова мы с А.П. Огурцовым опубликовали впоследствии в книге «Наука и тоталитарная власть» (М., 1993), в «Подвластной науке?» – «Дело молодых историков (1957–1958 г.)», а с женой Чешкова Энгельсиной Сергеевной, буряткой, дочерью второго секретаря Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), мы работали в Архиве МИДа, куда я была «сослана» после разгона сектора методологии истории. Она была той девочкой, которая во время какого-то приёма в Кремле вручила вождю цветы, за что её отдали золотыми швейцарскими часами со вставленной пластинкой с надписью «Геле Маркизовой от Вождя народов», а потом расстреляли отца. Насколько я помню, часы Геля собирались продать, когда им с Маратом трудно жилось, а пластинку вынула.

Узнав об «университетском деле», за которое люди получили реальные лагерные сроки, узнали и о философе Эрике Григорьевиче Юдине (1930–1976), который в дальнейшем стал одним из трёх основателей (с В.Н. Садовским и И.В. Блаубергом) научной школы системных исследований: он был исключён из КПСС и арестован за то, что на партсобрании поставил вопрос о праве на информацию – речь шла об упомянутых венгерских событиях 1956 г.

Среди поступивших на истфак была Наталья (Наталья Ивановна) Куренкова (девичья фамилия, которую она потом сменила на Басовскую), отъявленная комсомолка, на третьем курсе вступившая в партию и проводившая чёткую большевистскую политику.

На комсомольском собрании в 1959 или в 1960 г. обсуждали личное дело Вадима Ароновича, который был десятью годами старше нас, семейным человеком, успевшим побывать на стройке то ли Братска, то ли Комсомольска-на-Амуре, записывал свои впечатления в записную книжку, и эта книжка пропала (выпала? выкрадена?) у него из-под неширокого столика амфитеатра Большой исторической аудитории, оказавшись на широком столе комсомольского президиума. Главным действующим лицом на собрании была Куренкова. Ароновича клеймили за то, как он написал о методах работы на строительстве, о рабочих эзковских кадрах и за что-то ещё якобы неправильное и недостойное советского человека.

Но вот что рассказывает Краснопевцев об атмосфере на истфаке десятилетней давности: студенты «...выключались из традиционной атмосферы громкой комсомольской идеологии, мягко убирали из своего актива протокольных товарищей в «сталинках» и создавали у себя спокойную нравственную человеческую обстановку. В самые тяжёлые времена никого не выдавали на расправу, защищали и отстаивали даже тех, кто осмеливался поддержать «профессора-космополита» или неосторожно оставил в общежитии свой дневник с «клеветническими» записями» [Дело молодых историков... 2010: 381–382].

Всего через год или два после «дела Краснопевцева» стал очевиден откат назад. Впрочем, может быть, это его группа выскочила далеко вперёд, а у нас был не откат, а всё ещё, инерционно, старый сталинский стиль поведения.

Незадолго до смерти Наталья Ивановна, кажется, по ТВ, выражала сожаление о том, что так вот вела это (или подобное) собрание, но сожаление касалось не столько факта судилища над товарищем, сколько её собственных ночных кошмаров. Насколько я знаю, перед Ароновичем она не извинилась, как не извинилась и перед нами.

Это уже другой случай раскола: не просто внутр поколенческого, а внутри отколотой половины. И он был реальным началом политического, морального, культурного раскола внутри уже той части поколения, которая не просто признала гнусность сталинского режима и стала «честно» исполнять то же, но необходимость изменения и выхода из двуличной позиции, в которой мы оказались.

О чем это говорит? О правоте Пелевина: старый вечный мир не исчезает, он сворачивается в «микроскопическое пятнышко на ветровом стекле ума». Такая вечность «...могла существовать только на государственных дотациях – или, что то же самое, как нечто запрещённое государством. Больше того, существовать она могла только в качестве полусознанного воспоминания какой-нибудь Маньки из обувного. А ей, точно так же, как ему самому, эту сомнительную вечность просто вставляли в голову в одном контейнере с природоведением и неорганической химией. Вечность была произвольной – если бы, скажем, не Сталин убил Троцкого, а наоборот, её населяли бы совсем другие лица» [Пелевин 1999: 15].

Так, Гелю Маркизову на растиражированных фотоснимках переименовали в Мамлакат Нахангову.

Не исключено, впрочем, что вечность действительно будут населять и «другие лица». В одном из докладов о Бибихине был представлен его проект истории философии, которую творили «совсем другие лица». Да и француз К. Романо написал книгу «Быть самим собою: другая история философии». Но пока её творят «эти лица», можно о них напомнить, чтобы о них знала не одна Манька из обувного.

«Моё» поколение я бы назвала инакомыслящим, диссидентско-перестроечным, не потому, что все стали диссидентами, а потому, что именно в нем зародилось это движение, главным в котором было стремление к свободе, свободомыслию, что было фактическим призывом философии, когда стали интересоваться этимологией термина «свобода». В то время известность приобрёл словарь [Chartraine 1968–1970]. История греческих слов здесь увидена как бы изнутри, показывались переходы (переводы) терминов из одного региона их употребления в другой, от микенского периода до современного греческого языка. Так, корень слова *ἐλευθερία* – свобода, от которого происходит и славянское «люди», означал первоначально не отсутствие ограничения для выбираемого пути, а развитие, будучи метафорой (автор словаря ссылается на исследования Э. Бенвениста) вегетативного роста людей, родившихся и развивавшихся вместе. Свобода была принадлежностью людей, этого конкретного народа (не пришельцев и не рабов), его «своим собственным», что важно для осмысления чувства свободы поколением, сейчас именуемым шестидесятниками [Romano 2019]. То, что воспитание свободой востребовало философию, свидетельствует тот факт, что философией стали заниматься нефилософы. Татьяна Борисовна Любимова по базовому образованию архитектор, Лина Борисовна Туманова – экономист, Павел Дмитриевич Тищенко – медик, как медиками в ос-

новном были участники семинара Туровского, Борис Григорьевич Юдин окончил МВТУ им. Н.Э. Баумана, наконец, Владимир Вениаминович Бибахин – филолог. Гефтер, который формировал сектор, был озабочен не статусом сотрудников, сколько их способностью делать дело. Он хотел взять А.В. Ахутина, но слишком выразительно на него посмотрел директор института Е.М. Жуков, узнав, что Ахутин – химик.

Вот что важно заметить: эти люди не варились в марксистско-ленинском котле философского факультета, но и они в полной мере испытали на себе когнитивные оскорбления, сыпавшиеся из идеологической кухни, сохранившей старые историко-философские программы, которые, к счастью, стали перевешиваться программами, предложенными писателями и художниками нового концептуального стиля. Это было началом и нового отношения к философу и философии, поскольку философия переставала пониматься как набор догм. Слова, произнесение слов, выражение их становились другими, формируя новое сознание. Представление о философской силе, по своей природе призванной определять принципы бытия и мышления, показывать силу рассуждения, логику, нравственный поступок, только ещё пробуждалось. Идеологические шоры марксизма-ленинизма были на глазах самых лучших философов, не говоря о большинстве преподавателей философии.

Наши занятия по философии на факультете вёл вечно пьяный человек. На лекции студенты однажды поставили ему на кафедру стакан водки вместо стакана воды. Он спокойно выпил и посоветовал в следующий раз оставлять на блюде огурец. На семинарах, однако, я не помню, чтобы кто-нибудь, кроме нас с Вадимом Ароновичем, задавал вопросы (особенно по теме эволюции), за которые он нас ненавидел. На меня семинары производили давящее впечатление потому, что слова «диалектика», «материализм», «марксистско-ленинский метод», «истмат» произносились и по делу, но чаще без дела, давящее настолько, что в 1961 г. я сделала попытку уйти с факультета, разрешив тем самым и множество личных проблем. Я написала в деканат письмо с просьбой об отчислении и как-то вслепую пошла пешком с Моховой в конец Ленинского проспекта, думая, что же теперь буду делать. Решила почему-то ехать в Новосибирск в академгородок; хотя кто меня ждал в Новосибирске? Меня тронула за плечо преподавательница латыни Людмила Михайловна Попова: «Что с Вами?» Видно, хорош был у меня вид. Я ей рассказала. «Так, – сказала она, – идите домой и ждите моего звонка». На следующий день меня вызвал декан И.А. Федосов, вернул мне моё заявление и прямо спросил, чем я хочу заниматься. «Латинской палеографией», – ответила я. И меня откомандировали в Ленинград, где моим университетом стал Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Эти эпизоды я привела не только для того, чтобы конкретизировать способы деления больших групп на оппонирующие подгруппы, но и для демонстрации возможности выпадения из массы индивида, ищущего вместе с тем сообщества, связи внутри которого, если оно случится, образуют лишь знаки разрыва с общей массой. На деле в найденном сообществе все особенные. «Собранием разных» назвал их Гефтер. Это, с одной стороны, рождало высокомерие, которое тогда таковым не казалось, с другой – выделяло слой сепаратистов, которые только так и могли жить – отдельно.

Проблема соотношения массы и индивида, выяснение той самой роли личности в истории относятся к чисто философским проблемам, которую пытались разрешить или сообразовать многие философы, например Х. Ортега-и-Гассет. К попыткам её понимания подходили с разных сторон: она и до сих пор является одной из важнейших, достаточно просматривать фейсбук и другие сети. В России внимание к этой проблеме возникло прежде всего потому, что марксизм ставил особый акцент на участие масс в революции, а мы входили в жизнь именно в то время, когда при изменившихся обстоятельствах подвергались особенному смотру понятия революции, формации, диалектического и исторического материализма и связанных с ними терминов.

Необходимо было знать, умеем ли мы и по каким признакам, составляя оппозицию масса/отдельный индивид, отличить такого человека от «массового»? Но и в наше время их можно вычислить разве только по участию в «комиссиях по нравственности», клеймящих людей без анализа их взглядов или не способных к такому анализу, хотя на словах причисляющих себя к способным. Годится ли вообще такая оппозиция (масса/индивид) для характеристики человека, ибо известно, как он может мимикрировать? Уже в 1972 г. Ж. Бодрийяр написал книгу «Пароли», где представил массу, ставшую «объектом социологического исследования», не только как «феномен фрактальности, феномен виртуальности», но и как «феномен вирусности» [Бодрийяр 2006]. Именно в силу её изменчивости, нестабильности. Это, конечно, совершенно новая позиция, востребующая микроанализа тайных, невидимых глазу движений. К массе в таком случае уже нельзя относиться просто как к чему-то обыденно стойкому. Бодрийяр показывает, однако, изначальную двойственность любой вещи: эта же проблема цельности и в то же время вирусности актуальна и в отношении индивида, который, как объект исследования, тоже оказывается хотя и «полностью фрактальным, то есть не разделенным... но рассеянным, размноженным до бесконечности. По сути дела, в культурном отношении он уже клонирован, и ему нет смысла клонировать себя генетически... клоны в плане склада мышления и культуры у него, во всяком случае, уже есть – сегодня это не вызывает сомнений» [Там же].

Как возрастное деление может свидетельствовать только о биологической природе, что использует власть в нынешней ситуации, так и человек в разные моменты своей жизни может быть (как отдельно мыслящее существо) или не быть (принадлежа к массе), или быть в собрании разных.

К 1958–1963 гг. образовалось несколько групп людей, поставивших под сомнение марксистско-ленинские догмы, в том числе догмы о массе, имя которой носила власть: диктатура пролетариата, собирательное имя которого было «Сталин». И если власть этой массы – толпы отправляла в лагеря, то и отправляла она туда индивидов, собирательное имя которых было «толпа», «гурьба». Грядущая (обещанная) полная победа социализма и создание «гурта» мировой социалистической системы, о которой писали не худшие и в ту пору философы, вызвала у многих «тоску по философии». В то время на философском факультете были великолепные профессионалы, например В.Ф. Асмус, друживший с Пастернаком, написавший предисловие к «Логико-философскому трактату» Л. Витгенштейна, знаток И. Канта, один из тех, кто возрождал в СССР такой предмет, как логика, вел семинар по логике, участниками которого были В.А. Смирнов, Е.Д. Смирнова, Г.П. Щедровицкий, были П.С. Попов, литературовед и историк философии, О.В. Трахтенберг, написавший книгу «Очерки по истории средневековой философии», А.Р. Лурия – психолог, ученик Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейн – психолог, учившийся во Фрайбургском и Марбургском университетах. Учениками А.Ф. Лосева, который в это время заведовал языковой кафедрой в МГПИ, стали С.С. Аверинцев, В.В. Бибихин, А.В. Михайлов и др. В ИФЛИ, своеобразной гуманитарной академии, учились А.А. Зиновьев, известный не только «Зияющими» и прочими высотами, но и определением материи как «объективной реальности, данной нам в ощущениях богом», А.В. Гулыга, И.С. Нарский. Этими именами можно гордиться в любое время. Они первыми и начали заниматься пересмотром истории философии и застоявшейся терминологией.

Ещё чуть ли не до смерти Сталина возник Московский логический кружок (А.А. Зиновьев, Б.А. Грушин, М.К. Мамардашвили, О.И. Генисаретский, Г.П. Щедровицкий), затем Московский методологический кружок Щедровицкого, куда входили Г.А. Алексеев, Б.А. Грушин, В.М. Розин, Э.Б. Зильберман, М.А. Розов, В.С. Швырев. В отличие от наших групп это были философы. Но и философы и нефилософы того времени испытывали на себе и оттепельные возможности и ортодоксальные метели. Ибо тон, к сожалению, задавали другие люди.

Зиновьев называл «косноязычного маразматика Бугаева», который с первых занятий внушал студентам превосходство нашей философии над всей предшествующей; или некто З.Я. Белецкий, который через окно указывал на Кремль как на «объективную истину». Известно, что Белецкий написал донос Сталину об ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII – начала XIX в., направленной против «возвеличивания Гегеля». Ошибки были обнаружены в получившей Сталинскую премию книге «История философии», два тома которой вышли в 1941 г. под редакцией Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина и П.Ф. Юдина. Премии после доноса Белецкого они лишились. Быховского выгнали из института, Б.С. Чернышев умер от инфаркта, В.Ф. Асмус подвергся проработке, а Александров (вот что значит личностная ловкость) в 1946 г. написал новый учебник по истории западноевропейской философии, который на основании доноса того же Белецкого вновь подвергся проработке, на этот раз с участием А.А. Жданова, что означало: «философия стала непосредственным продуктом работы идеологического аппарата государства» [Карпенко 2016: 117–119]. Зато в 1947 г. был учреждён журнал «Вопросы философии».

Исследователь этого периода истории философии Е.А. Добренко писал: «Законы диалектики становятся в руках художника-вождя законами триллера. В сталинизме нет иных правил, кроме партийности (читай: диалектики), которая сама – лишь принцип произвола и, соответственно, ключевой принцип террора» [Добренко 2014: 295].

Вплоть до 1960-х гг. перемывали кости механистам и диалектикам, о которых забыло нынешнее молодое философское поколение так же, как те забыли (или вовсе не знали) высланных или уничтоженных философов. В 1965 г. было обсуждение шестого тома «Истории философии» под ред. М.А. Дынника, М.Т. Иовчука, Б.М. Кедрова, М.Б. Митина, Т.И. Ойзермана, А.Ф. Окулова в «Вопросах философии», где впервые раздаются призывы критиковать не только Сталина, механистов и диалектиков, но и самих себя (А.П. Огурцов, Л.И. Греков, Ц.Г. Арзаканьян). Арзаканьян поставил вопрос и о том, стояла ли советская философия на пути непрерывного прогресса, как утверждали авторы тома, хотя М.А. Дынник, с которым уже к этому времени порвал Петров, по-прежнему настаивал на том, что «философия в определённом смысле действительно служит целям научного обоснования политики» [Обсуждение ... 1966: 180]. И такое представление существовало и существует, поскольку нет философов, которые им бы не были заинтригованы: поощряющих или проклинающих его. Даже едва высывающих из-под партийных уставов голову философов объявляли ревизионистами или изгоняли из партии, причём за деяния, формально не связанные с философией (А.А. Зиновьев, М.К. Петров, А.П. Огурцов, Г.П. Щедровицкий, Б.И. Шрагин). Главный авторитет в области исторического материализма В.Ж. Келле, едва начавший говорить об общественных формациях, не слишком прояснённых Марксом – Энгельсом, и о необходимости отделения идеологии от познания социальной реальности, в конце концов вынужден был уйти из Института философии, хотя в не меньшей степени причиной развала сектора исторического материализма была эмиграция в Израиль его сотрудника М.А. Виткина. Философия и партийная политика все ещё перепутывались. Э.В. Ильенков ещё в 1953 г. был обвинён в гегельянстве. А в 1954 г. он и В.И. Коровиков в своих «Тезисах» доказывали (надо было доказывать то, что теперь знает каждый студент!), что философия – это теория мышления. Их поддержали аспиранты, поднявшие бунт против, по выражению В.Н. Садовского, «изнасилования истории русской философии» партийно-философской элитой в конце 40-х – начале 50-х гг. «Об этом сегодня даже страшно вспоминать» [Садовский 1993: 159]. Во главе бунтарей были Зиновьев и Ильенков, отстаивавший диалектическую логику Маркса, но его изыскания в диалектике были названы извращением марксистской философии. Хотя интересно и другое: Ильенков был противником любой логики, в том числе формальной, кроме диалектической. Его возражения против культурологической и наукологической Петрова известны, что вызвало естественный протест и Петрова, и Арсеньева, не только давшего разрешение на публикацию его замечаний к книге Петрова, но и единственного, кто выступил на семинаре у Библи-

ра, посвящённого памяти Ильенкова, с его критикой. Я напоминаю об этом для демонстрации того, какими жёсткими были разногласия не только между «своими» и «чужими», но и между «своими».

То, что мы знаем имена доносчиков от философии, мы обязаны хорошей памяти Зиновьева и тех, кто в этом с ним был солидарен, но мы не знаем имён множества преподавателей философских факультетов в основном в силу их собственной серости и косности преподавания. Я так и не смогла в точности вспомнить фамилию нашего преподавателя философии. Огурцов, всегда иронически отзывавшийся об учёбе на философском факультете, рассказывал о преподавательнице, которой он на экзамене отвечал на вопрос о досократиках: она требовала «Б!ще! Б!ще», так как ей казалось, что рассказ был кратким. Имена исчезли, превратившись в ничто. Ничто ясное и точное не мешало мышлению. Мешало само ничто. Это ничто заново поставило проблему себя, Бибахин правильно перевёл Августина, размышлявшего о речи и приглашавшего двигаться дальше, только «если ничто нам помешает» (обычный перевод: «если ничто нам не помешает»).

К тому же главные цензоры были в редакциях журналов, в руках ответственных редакторов. Если античной философии что-то сходило с рук, то средневековой философии не везло не меньше, чем общей теории познания. Мой ленинградский научный руководитель, которую, занимаясь «Исторической библией» XIII в., я долго выпрашивала, что такое христианский символизм и тропология, долго смотрела на меня и промолвила: «Вам это не надо: описывайте миниатюры». Средневековая философия долго жила в тени античной, используя ее терминологию и считаясь её протагонистом. Вера верой, а философия философией – так считалось, и мы приписывали средневековую двойственную истину, дожившую до нашего времени, в то время как у неё были другие, чем в античности, задачи и связи между словами и вещами. То, что средневековые мыслители были, как и мы, восхищены, заинтригованы, захвачены античной философией (да и как иначе – они были ею образованы), не означает, как и у нас, что они были у неё под пятой. Иное положение (даже местоположение) Божественной истины (внутри человека, что делало его неведомым, как и Бога), иное понимание веры – как понимания, как правоты сказываемого, не мифа. Я помню собственное ошеломление, когда читала «Историческую библию» Гийара де Мулена и понимала, что смысл творения был именно в возможности каждого заново открыть мир.

Вопрос-то нешуточный! Хрущев, который произнёс секретную речь о развенчании культа личности, одновременно развенчивал церковь, во главе которой – единый и троичный Бог Творец, Persona. Эквивокация налицо: Он и создатель всякой твари, которая обладает свободой, т. е. может не подчиняться создателю, и источник культа этой личности.

Возникшая в конце 1980-х дискуссия о личности споткнулась именно на этом. Кто-то не признавал личности в средние века, т. е. умалял значение Богом сотворённого человека, считая его индивидом, и, базируясь на определении, данном Боэцием: «персона – индивидуальная субстанция разумной природы», отождествлял персону и индивида, что логически недопустимо. А хитрый Боэций под субстанцией понимал и собственно субстанцию, связанную с вещью, и субсистенцию, т. е. божественную, уникальную, ни с чем не связанную субстанцию, что вместе и составляло богочеловечность. И писал он об этом в работе о двойственной природе Христа. Я занимала жёстко персоналистичную позицию, Гуревич колебался между персональностью и анонимной индивидуальностью. А первый участник спора, заводила его, определил личность через её выдающиеся качества. Спор был не вполне научным, во многом вкусовым. Рассказываю о нем лишь затем, чтобы показать нешуточные проблемы в философии, возникшие ещё в шестидесятые годы и только озвученные в восьмидесятые. С ними в одночасье не разберёшься. Я их и ставить в секторе истории средних веков не могла, меня бы послали описывать миниатюры. Однажды поставила было вопрос, почему в «Исторической библии» все заголовки начинались не словами «О творении первого... пятого дня» или хотя бы «как Бог творил мир», а словами «Как св. Троица творила мир», т. е. проис-

ходило замещение понятий, но меня и не поняли, сказав, что это догмат. А догмат вызывал споры. Несториане, монофизиты, богомилы, катары долго, по крайней мере до XIV в., противились тринитарной концепции. «Историческая же библия» возникла в XIII, как перевод «Схоластической истории» Петра Коместора XII в., где таких заголовков вообще не было.

В Институте истории, где я училась в аспирантуре и осталась работать после нее, я присматривалась, с кем бы поговорить, и сначала не очень обрадовалась, когда Гефтер пригласил меня в сектор методологии, поскольку для меня методология олицетворялась – марксизмом-ленинизмом. К моему удивлению, именно в его секторе и возникли проблемы личности – время потребовало выяснения вопроса. Потом эти вопросы перешли – уже во время перестройки – в сектор Гуревича. А тогда Гефтер пригласил выступить Аверинцева, Библера, Петрова, и это все меняло.

Философия для меня началась именно тогда. Я пишу о том, как она складывалась вокруг нас, вокруг тех, кто в этом месте и в это время её реально делал, не называя себя философами.

После публикации в 1973 г. книги Аверинцева «Плутарх и античная биография» писать как раньше было нельзя. Планка гуманитарности была поднята очень высоко. Когда же на семинарах выступали Владимир Соломонович Библер и Михаил Константинович Петров, становилось ясно, что мы имеем дело не с задворками мысли, а с тяжестью прямо во время выступлений продумываемой мысли. На глазах формировался предмет мысли как видимая, осязаемая вещь, не оставляя на пути никакой половинчатости и сора.

Трансляция трансмутации

М.К. Петров – основатель науковедения в России, блестяще развивавший и теоретическую культурологию – одновременно с Библером, Щедровицким, семиотиками, структуралистами. До Петрова науковедением занимались спорадически. Он же её сформировал как дисциплину. Обращение к идеям также культуры назрело, до этого культуру рассматривали как надстройку, что порождало впечатление, что без неё можно обойтись. Главное – производство и потребление. При игнорировании же фактора культурного наследия обездушенная и обезличенная вещь проецировалась на самого человека, который казался таким же продуктом, как вещь. Петров, всерьёз воспринявший резолюции XX съезда КПСС, стал преподавать в Ейском военном училище лётчиков после ухода из аспирантуры Института философии АН СССР. Разойдясь во взглядах на «проблемы причинности в классической античной философии» (так называлась его кандидатская диссертация) со своим руководителем Дынником, написал повесть «Экзамен не состоялся», где высказал своё мнение «о реализации научно разработанных планов перестройки общества» и роли научной критики в этом процессе. Ирония судьбы состояла в том, что многие философы (не только Петров) сочетали философию с писательским трудом (Зиновьев, например, со своим жанром «социологического романа», Гулыга, А.С. Карпенко), но случилось так, что повесть возникла прежде, чем Петров написал философские труды. Повесть он отправил в ЦК КПСС, именно оттуда её запросили в училище, когда Петров выступил с критикой начальства, и отправили на рецензию литературоведу и философу. Литературовед отмычался, а философ отштамповал: «Троцкист». И закрыл в долгий ящик философские труды талантливейшего человека, оставившего после себя 12 000 страниц текстов, из которых лишь несколько было опубликовано при жизни в конце семидесятых. Заметим живучесть традиций: к 1960-м, казалось бы, вражеский штамп «троцкист» должен был стереться в пыль.

«Для тебя и для меня письменный стол – рабочее место. Для него – образ жизни» – так говорится об одном из героев нескольких рассказов В.Н. Семина («Эй», «На реке»), его друга, писателя, от которого тоже кособочило редакционных цензоров. Философия как образ жизни касается всех, о ком я здесь пишу.

Петров «работал» странно, его иногда брали на работу с условием, чтобы он не приходил на работу. Но у него была куча учеников, огромное число уже преподавателей, аспирантов, студентов, просто заинтересованных, среди которых был, например, П.П. Мостовой. Он на дому вёл своеобразные семинары. При этом был полноценным участником философской жизни, и когда в конце шестидесятых журнал «Вопросы философии» открыл дискуссию о методах изучения истории философии, он принял в ней участие как человек авторитетный среди философов. Дискуссия возникла потому, что эта история, как, впрочем, любая другая, преподавалась в русле однонаправленного процесса в духе прогрессивной смены формаций. Во втором номере журнала была опубликована статья Петрова «Предмет и цели изучения истории философии», в которой он подверг критике гегелевскую теорию разворачивания Абсолютного духа, который должен был привести к абсолютному знаменателю все возможные альтернативы. Он раскритиковал позицию, согласно которой к разным культурам применяли заданные параметры характеристик типа «материализм – идеализм», «прогрессивное – реакционное», полагая, что характеристики культуры должны выводиться из неё самой. При этом он опирался на философию Маркса. «Кое-кому кажется, что отсюда все как есть видно и марксистская история философии может освободить себя от чёрной работы кропотливых конкретно-исторических исследований» [Петров 1991: 620]. Но он, не желавший делать из неё всеобщую отмычку, подвергся в результате в 1970 г. именно за это разносу в журнале «Коммунист». Автора обвиняли в «отступлении, отходе от одного из коренных принципов марксистской философии» и в том, что он «фактически отошёл от партийного требования вести последовательную идеологическую борьбу против любых извращений истории общественной мысли». Повторю: бороться приходилось не с профессионалами от философии и даже не с профессионалами от идеологии, а вообще не с профессионалами, ибо его били за то, чему противился он сам.

Своеобразие же его авторской позиции состояло в том, что проблему сосуществования разных и несводимых друг к другу способов мышления, прежде всего западного и восточного, он осветил через механизмы культуры и механизмы передачи и преобразования накопленного знания, т. е. через механизмы трансляции (перевода) и трансмутации с помощью социального кодирования. Здесь важен термин «механизм», заставлявший взаимодействовать и созерцательные, и конкретнопрактические способности мышления. Он выявил три способа такого кодирования: лично-именной, характерный для первобытных (охотничьих) обществ, профессионально-именной, свойственный восточным обществам, и универсально-понятийный, европейский. Его интересовали способы совмещения стабильного «трансляционного» мира традиции с трансформационной человеческой деятельностью мира западного, осуществлявшие координацию деятельности, передачу информации от поколения к поколению через специально подобранную технику введения нового и уникального знания, изменения тезауруса через «творчество репродукции».

Спокойный от природы, прошедший войну разведчик, он нашёл способ высказывать свою позицию в близких дружественных сферах: в Ростовском университете, среди московских коллег (Ильенков, Арсеньев, Ф.Т. Михайлов), у Гефтера и Библера.

Аутсайдер по природе

В это время те же проблемы альтернативности общественного развития, разноценный подход к культурам, невозможность рассматривать культуры как ступени при переходе от низшего к высшему, многовариантность исторического развития поднимались в секторе методологии истории, руководимом Гефтером.

О секторе Гефтера, имевшего к инакомыслию прямое отношение, я писала дважды: в 1990 г. в журнале «Вопросы философии» и в 2006 г. своей книге «Точки на зрении» под названием «История с методологией, или Конец истории». Здесь мы познакомились и подру-

жились с Линой Борисовной Тумановой, Библером, Арсеньевым. Из философов в нем непосредственно работал и И.К. Пантин, который вместе Е.Г. Плимаком, Л.А. Филипповым и Ю.Ф. Карякиным доказательно обвинил в плагиате и доносах таких бывших столпов философского факультета МГУ, как И.Я. Щипанов и М.Т. Иовчук. Критически настроенных людей хватало. Можно добавить для полного списка доктора философии Б.Ф. Поршнева. Сектор фактически был философской институцией внутри в основном отмахивавшейся от неё аморфной, провластной или нейтральной массы.

Гефтер и Лина Туманова, ставшая диссидентом после разгона сектора, представляли две ярко выраженные противоположные тенденции. Гефтер не сопротивлялся возможностям стать аутсайдером, он им был от рождения, но был им в профессиональном плане. Мне он говорил, что не любит стоять во главе какого-либо движения, но советником – может. Так в конце жизни и случилось. Но профессионально – сталкивал горы. О себе сказал так: «За мной обнаружился страшный грех отрицания исторического материализма, «истмата». Я утверждал публично и вёл сектор на основе принципа, что теории истории вне исследования истории нет и не может быть. Что «общие законы», для которых история, творимая и влекущая людей, является лишь иллюстрацией, – это отмена исторической науки. И я утверждал, что нельзя остаться на почве знания и понимания, не рассмотрев открытыми глазами все, что пережил коммунизм после Октября и во времена Сталина. Сталин неслучаен для коммунизма, утверждал я. Так я стал инакомыслящим. Но инакомыслящий заведовал сектором методологии Института истории АН СССР! Быть инакомыслящим в фаворе – очень странная роль. Я был членом редакции первого тома «Истории КПСС»... Руководя коллективом историков, я отказался от задания написать историю Октябрьской революции – на том основании, что при нынешнем уровне знаний в рамках марксизма ее написать нельзя. Начался коллективный поединок Института истории АН СССР с отделом науки ЦК КПСС – противостояние внутри системы, равного которому в СССР 60-х годов не было. Целый академический коллектив открыто противостоял Кремлю и всевластной тогда Старой площади. Кончилось тем, что нас примерно наказали: Институт истории разбили надвое, и он с тех пор нелепо разбит на «всеобщую историю» и «российскую» [Гефтер б/г].

К этому надо, правда, добавить «дело Некрича», написавшего по официальным материалам книгу «1941. 22 июня», где объясняет причины изначальных провалов СССР в начавшейся войне с Германией. Некрича «верхи» захотели исключить из партии, однако институт как «целый академический коллектив» противился, предрешив собственное уничтожение.

Но профессиональное диссидентство не обрекало на тюрьму, а политически-антисоветское фактически иного и не предполагало. Лина сознавала это и решительно включилась в диссидентское движение, обращаясь со своими заявлениями прямо к мировой общественности. Гефтер долго сопротивлялся связям с зарубежьем (это потом его окружало множество иностранных коллег: помимо того что он был инакомыслящим, он был известным историком). Да и к идее культуры Гефтер относился без пафоса. Она, на его взгляд, не всеобща по определению, в книге «Третьего тысячелетия не будет» он об этом говорит прямо. Лина же, ближайший сподвижник Библера, считала культуру центральным философским понятием XX в.

Внутри сектора, между «своими» (Гефтер всех «собирал» лично), было сильное внутреннее напряжение, на которое он сознательно шел, например, с однокурсником Библером. После разгона сектора связей между ними не было (библеровский семинар в секторе был автономным, Гефтер приходил очень редко, выделил среди участников Ахутина, однако между ними не сложилось тесного контакта). Но было мужественное стояние за сохранение людей. И даже провалившаяся попытка этого стояния кажется не менее эффективной, чем его работа: после крушения советской власти Гефтер стал членом консультационно-аналитического совета при Президенте России, хлопнул дверью этого совета после расстрела парламента (эти шаги были не только демонстративны, хотя это было в характере Гефтера, но и испыты-

вали степень возможного перевода государственной вертикали в горизонталь народопрорства, сторонником чего он был).

Гефтер был человеком, который на себе испытал, вполне искренне, все жизненные возможности, предоставляемые советской властью: был активным комсомольцем, даже комсомольским секретарём, партийным человеком, который трудно переосмысливал себя. В книгу «Точки на зрении» я добавила, на мой взгляд, важный эпизод с обвинением им (при соучастии коллег-историков) акад. М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева в буржуазном эпигонстве, что для того времени обеспечивало последним, по выражению Дмитриева, «варфоломеевскую ночь». Хуже всего было то, что обвинители выступили под псевдонимами. В «Литературной газете» 20 октября 1948 г. была опубликована рецензия «Грубые ошибки в «Хрестоматии по истории СССР»», подписанная «Р. Самойлов», а статья (в той же «Литературке» от 19 февраля 1949 г., озаглавленная «По стопам буржуазных историков») вышла под фамилией «А. Громов». Рецензия и статья принадлежали на деле Гефтеру и А.Я. Грунту, которые упрекали, прежде всего, Дмитриева в объективизме, забвении принципа партийности в науке, отступлении от марксистской идеологии и либерально-буржуазных взглядах.

Я поступила на факультет в 1958 г. и видела там Дмитриева, одного из немногих в профессорской шапочке, так что, слава богу, его миновали репрессии, но не страх. Понятно, зачем было Гефтеру и Грунту брать русские псевдонимы: иначе о публикациях и думать было нечего. «Р. Самойлов» – псевдоним, образованный из имени и фамилии жены – Рахили Самойловны Горелик. То, что написано все это было в начале космополитической кампании, придаёт этому событию особый колорит. Дмитриев в дневнике пишет об этом. Из прямой дневниковой речи вырастает нестерпимый ужас – не рассказ об ужасах, а сам ужас – от разворачивающегося «космополитизма+», от готовящихся, а затем состоявшихся проработок. Дмитриев после звонка нашего же преподавателя Петра Андреевича Зайончковского, сообщившего ему о статье в «Литературке», судорожно, ещё не прочитав статьи, начал гадать, кто автор («А. Грунт? Гефтер? Аврех?») [Неретина 2005: 18].

Кампания была гораздо более хитроумной, чем нам известно, и носила имя не только «космополитизма», но и «объективизма», поскольку критиковались якобы все – и евреи русскими и русские евреями, правда взявшими русские псевдонимы. Это была зловещая идеологическая шутка, поскольку в ней сохранялась видимость справедливости. Эффект от русских псевдонимов, которыми был наполнен XX в., усилил борьбу с «космополитами» и сделал их презренными для массы. «Космополит безродный» – так их назвал К.А. Симонов.

М.Я. Библер и многие другие были заложниками оголтелой веры в идеологию. Они все прошли войну. Библер работал в Смерше: был приказ, отказа не приемлющий. А что такое Смерш, знают все. Работа была всякой, не только переводческой, хотя попал он туда именно как переводчик. Труд выбраться оттуда после войны можно назвать титаническим². И можно представить себе, сколь тяжёлый и одинокий был их путь к той высоте, на которой оба в результате оказались, обретая возможность своею жизнью стать примером другим.

Вышедшая в 1970 г. в свет статья «Под видом научного поиска», беспардонно шельмующая подготовленный Гефтером сборник «Историческая наука и современность» и прежде всего шельмующая авторов с «пятым пунктом», горьким эхом отозвалась в душе Михаила Яковлевича. Становится более понятной его последующая опека некоторых его всенародно (по телевизору) покаявшихся молодых друзей, чего ему не прощали «свои» же (считалось, что они, молодые люди, должны были продумать меру своих возможностей, вступая на диссидентский путь), поскольку своего грехопадения он не забывал: когда – после его смерти – были опубликованы дневники Дмитриева и Глеб Алексеев, бывший сотрудник сектора, принёс номер журнала Рахили Самойловне, она, едва взглянув, тут же спросила: «Дмитриев?»

² См. об этом: Vox. Философский журнал. 2020. № 29.

Его долгое молчание после разгона сектора можно объяснить и горечью этого переосмысления, и чувством страшной старой вины. К тому же – он всерьёз заболел от таких встрясок.

Сектор методологии истории формировался во время оттепели, когда все бурлило и шумело: множество политических «дел», открывавшихся в то время, было спровоцировано этим внезапно обрушившимся шумом. С 1956 г. прошло чуть менее десятка лет, но руководящая роль партии оставалась ещё много лет, до 1991 г., хотя многое изменилось внутри самой партии. Разброд был очевиден. Появлялись на заседаниях или собраниях прошедшие ГУЛАГ бывшие депутаты XVII съезда партии, например А.В. Снегов. Появлялись «пропащие» люди: панфиловцы, о были и небылицах панфиловской дивизии была публикация в «Новом мире», поэтому вновь появившийся миф – это свидетельство новой общественной перестройки. По секрету мне Гефтер рассказал, что к академику Минцу приходил некий старик, отрекомендовавшийся Чапаевым, который рассказал ему историю своего спасения и что его может опознать некто (были названы имена), кто знает некоторые детали их совместной жизни. Но потом этот человек пропал.

С открытием сектора методологии стало ясно, что «общая методология», под которой в то время понимался марксизм-ленинизм, именно тогда и прекратила своё существование. Для многих учёных она осталась всего лишь завесой, под прикрытием которой развивались культурология, социология, системный анализ. Усилиями же и не мечтавших о марксизме учёных (Ю.М. Лотмана, С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, Вяч.Вс. Иванова, Г.С. Померанца) произошло одно из великих возрождений гуманитарного знания, и эти учёные выступали на секторских семинарах.

Сектор был одним из опытов (как и секторы Левады, В.Ж. Келле, группа Щедровицкого, Туровского) консолидации интеллигенции нового типа, не скреплённой идеями социального характера, а базирующейся на этико-правовых основаниях как культурная сила. В микросоциуме сектора ставились в центр исторического внимания проблемы культа личности, волонтаризма, тоталитаризма, а основной темой было исследование альтернативности (разновариантности) исторического процесса. Прекрасная книга, изданная в 2019 г., «Философия во множественном числе» – потомок того времени.

За 5 лет его существования было проведено множество дискуссий (они были основным видом работы), внутри сектора были организованы научные группы (источниковедения под руководством С.О. Шмидта, социальной психологии под руководством Б.Ф. Поршнева, структурного анализа и типологии истории под руководством М.А. Барга, медиевиста, не пришедшегося, как Гуревич и я, ко двору сектора истории средневековья). Для современного читателя это – нормальная работа нормального коллектива научно-исследовательского института. Но в этом и дело: это была работа, впервые возникавшая как ИнакОмыслящие «нормальная» – не идеологическая и не догматическая. Вне опыта работы таких групп, московской и тартуской структуралистских школ, весёлых, приветливых, чрезвычайно вдумчивых, собиравшихся на оз. Кярику, где мне посчастливилось быть и подивиться той обстановке доброжелательности, которая конечно же была заслугой Ю.М. Лотмана, не произошло бы той огромной культурной и человекообразующей работы, помогавшей сопротивляться в том числе и нынешним абсурдным ненаучным поползновениям, уничтожающим творчество и поныне вызывающим презрение.

Гефтер при фабрикации его «дела» принял на себя не только груз обвинений, но и грязи. Его имя склоняли на всех собраниях и заседаниях – от института до ЦК КПСС. Создавались бесчисленные комиссии, ворошившие и старые издания, и готовившийся сборник «Ленин и проблемы истории классов и классовой борьбы», за выпуск которого отвечала я и который не увидел света. Я даже не уверена, что макет вернули Гефтеру. Однако впечатление от блестящего им собранного коллектива было таково, что обсуждали и осуждали его не пренебрежительно, а почти подобострастно, что казалось омерзительнее любых обвинений, пре-

зреннее открытой вражды – на рубеже 1960–1970-х формировался слой людей, равно готовых поддерживать как либералов, так и консерваторов. В это время вырабатывался жизненный аморализм. Оттого Михаил Яковлевич предпочёл уйти из института, продолжая интенсивно работать, чему свидетельством уже множество его книг: «Из тех и этих лет», «Там, где сознанию узко и больно», «Третьего тысячелетия не будет», записанные на магнитную плёнку разговоры (фактически – семинары) с его «молодыми друзьями», расшифрованные Г.О. Павловским. Но именно из этих книг ясно, что именно из обдумываемого М.Я. воспринималось в штыки: не только критика истмата.

Очевидный грубый разгром только оперявшихся литературных, исторических, философских, социологических направлений (я не говорю о возникших религиозных, требующих особого анализа) породил феномен «кухни», когда все общезначимое проговаривалось там (это в шестидесятые годы), а потом на местных сквериках и бульварах – из боязни прослушки. Но что было на этих «кухнях»?

Если Петров теоретически пытался собрать воедино утраченную цивилизацию со всеми её двойничествами (Восток /Запад, совмещёнными кодами), с попытками и нашу жизнь ввести в это русло, то Гефтер прорывал другое русло. Сама история представлялась не как естественно-исторический процесс (что уже было нонсенсом! Её и сейчас многие так воспринимают), а как Выбор и как движение Выбора, подошедшего к концу: в XX в. история превратилась в панисторию. Гефтерово представление об истории фиксировало её болезнь. Задолго до заявлений о желании возродить 1000-летнюю Россию он утверждал их тщетность, поскольку русская история не является непрерывной, она – цепочка цезур: «Ни один квалифицированный историк не скажет, что маленькие славянские княжества простым «ходом исторического развития» могли за столетие вырасти в державу, простёршуюся до Тихого океана. Эту возможность открыло Москве сокрушительное событие нашествия монголов. Последний центральноазиатский кочевой выброс – не простая пауза в сплошном процессе, а цивилизационная катастрофа домонгольской Руси. Обвал русскости, а там уже – возобновление русской истории заново из руин, в ипостаси российской... Если у политика-лидера нет сознания этой опасной прерывности русской истории, он сам опасен для России. Без сознания страны в ней нельзя правильно действовать, историческая интуиция должна подсказывать государственные шаги...»³.

Он считает, что Россию создавали беглые крепостные, заполнявшие просторы, оставленные татаро-монголами, оседавшими на этих просторах, где жили люди других этносов или те, что называли себя вольными казаками. Они бежали от власти, а та их «догоняла, вбирала в себя – и они становились субстратом власти. Оттого из их среды мог выйти человек, объявивший себя императором Петром III. Всё его окружение знало, что он Емелька Пугачев, их это устраивало. Они уже вошли в контекст русской власти-самозванки». Нагоня беглецов, царь «нахлобучивал» на них «государев двор с холопьями... Это опрокидывание холопства на Евразию – гениальная политическая импровизация... Парадигма Грозного – это холопский оттиск, который он оставил России» [Там же].

Ясно, что это – размышления по поводу размышлений о российской истории, чем ей быть («историк – человек лишний» [Неретина 2018] и можно ли отсрочить новый обвал. В качестве причины конца истории он называет «гибридные» основания: смешение абсолютного зла с абсолютным добром, у Достоевского даже термин нашёл: «злодеи развития».

Всё это я слышала потом. Но вначале, когда сомневалась в возможностях методологии, он сказал, размышляя о человеке: личность – не надстроенная форма над индивидуом. Христианство менее индивидуализировано, чем прежние формы жизни. «Личность – это выбор, форма преодоления тесного круга своих с выходом к чужим». Думаю, что в споре о личности целились в Гефтера.

³ См. об этом: Vox. Философский журнал. 2020. № 29.

О перипетиях сопротивления разным формам и методам давления я писала не только в «Вопросах философии» и «Точках на зрении», но и в книге «Время истории» [Неретина, Гусева, Мурзин 2018] и статье «Онтология памяти», посвящённой 100-летию Гефтера [Неретина 2018]. Назову только основные: это, прежде всего, давление со стороны СМИ (статья А. Корнилова, Н. Прокопенко, А. Широкова «Под видом научного поиска» привела в действие все механизмы давления), это научно-организационные формы, грозившие сотрудникам и авторам книг если не увольнением, то нежелательными переводами в другие отделы, и конечно же – слухи о «подрывной» работе группы историков «из окружения Гефтера», задумавшей якобы организовать бойкот Международного исторического конгресса. Люди тратили силы на обсуждение выдумок!

Поход в перестроечную власть учёных и можно объяснить тем, что их интеллектуальная горечь не удовлетворялась признанием близких, друзей, коллег, было желание переступить за рамки локальных групп. Впрочем, было и тщеславие.

Когда я монтировала хронику сектора методологии, реально сконцентрировавшую в пределах одной структуры историю советского общества 1960–1970-х гг., историю моего мира и моего поколения, я обратила внимание на приём, явно отражающий приёмы следственных практик: втягивание людей, не желавших ни защищать (были историки, рассматривавшие его деятельность всего лишь как желание очистить марксизм, а заодно и ленинизм), ни глумиться над Гефтером. Зачем, например, было С.Л. Утченко, античнику, поручать и выносить приговор «Ленину и проблемам истории классов и классовой борьбы», которых он чурался? Он волей-неволей давал, скажем так, некую нейтральную оценку, которую легко можно было засчитать в минус Михаилу Яковлевичу. Михаил Яковлевич, опытный в такого рода нюансах, попросил меня вести протокол обсуждения. Утченко заметил и уныло сказал: «Ну, зачем писать?» Тоталитарность – это не только повсеместный взгляд государства, она обязывала и собственные глаза присматривать за чужими. В этом мы не были другими. Только герой способен выколотить себе глаза. Раствление делало своё дело. Совок, в том числе и как термин, формировался на наших глазах и нами.

История наша была проиграна. Оппонирующие позиции бывших друзей прерывались не всегда научными окриками. А поскольку делали это авторитетные люди, многие попадались на удочки такого авторитета без проверки доказательств. На ТВ шли передачи, где учёные – друзья по разного рода демократическим союзам – обвиняли друг друга во вранье. Разумеется, можно назвать это неудачами, но лучше назвать вирусной болезнью века, гнездившейся до времени в порах уходящего мировоззрения. Взгляды и внутренне эмоциональные разногласия были такой взрывной силы, что Гефтер, не желая усиливать позицию одного из коллег, которому прежде помог, не взял, например, в сектор Гуревича, а потом и вовсе написал отрицательную рецензию на проспект его книги «Человек в истории» [Гуревич 2004: 108]. Все эти мелкие разборки (битвы приоритетов) ранили людей, делая их едва ли не врагами, хотя они делали одно дело. Могло ли оно быть успешным? Самое близкое незаметно, оно как бы не тематизируется...

Разными путями возвращается старое. Оно переключает внимание, и значит – переключает время. Диссидентское движение переключило время. Оно обеспечило кадрами перестройку – с ее пестротой, с разными партиями, с идеями, как нам обустроить Россию, с выборами, выступлениями Сахарова, с выявленным злопыхательством злопыхателей. А те, кто говорил, что он может всё поставить на ноги, вскоре терял кредит доверия. Их слушали, даже восхищались. Но Галича помнили: «Он врёт. Он не знает, как надо».

Переходность: пародия и танки

Написанное выше происходило в 1968–1970 гг. Это было время-переросток, оно уже сменило то лёгкое весеннее настроение, когда началась линька советского, едва ли внешне

не начавшееся с легкомысленных песенок. Но на всё беспечное, шалопутное и повсеместно исполняемое писались пародии, воспринимавшиеся со смешком, как и сами песенки. Но они сменили навязшую в зубах, например, «кудрявую», которую спрашивали, что же это она «не рада весёлому пенью гудка? Не спи, вставай, кудрявая! / В цехах звеня, / Страна встаёт со славою / На встречу дня... / Бригада нас встретит работой...» Звонкая оптимистичная музыка Д.Д. Шостаковича долго сопровождала наши утренние подъёмы. Но песенные цеховые гудки, с которыми мы реально знакомились ещё в школе, на уроках труда, когда нас водили на завод им. Орджоникидзе, где приставляли к какому-то станочку делать дырки на никому не нужной стальной пластине, что иногда воспринималось как оскорбление и всегда как бессмысленная трата времени, надоели хуже горькой редьки. Чуть позже мой иронически настроенный сын будет меня преследовать вопросами: «Ты любишь свой завод? Нет, почему ты не любишь свой завод?»

Были и «пародии наоборот», например гениальные пародии Зиновия Паперного, за что он был исключён из КПСС: «Чего же он кочет?», и Сергея Смирнова – «Чего же ты хохочешь?» с героиней Порцией Уиски, на роман «Чего же ты хочешь?» писателя-сталиниста В.А. Кочетова, который пытался высмеять Е.А. Евтушенко, Витторио Страда и пр.

А на статью Аркадия Первенцева «Куриный бог» в «Советской культуре», где он писал об испорченной молодёжи, сделавшей центром своих безобразий Коктебель, тут же (в 1963 г.) появилась пародия Владлена Бахнова.

Какая чудная земля!
Кругом заливы Коктебля
Колхозы... совхозы... природа,
Но портят эту красоту
Сюда наехавшие тунеядцы... моральные уроды.
Девчонки вид ужасно гол,
Куда смотрели Комсомол
И школа... и школа... и школа?
Купальник тоненький на ей,
А под купальником, ей-ей,
Всё голо... всё голо... всё голо.
Сегодня парни водку пьют,
А завтра планы продают
Родного... советского завода.
Сегодня ходят в бороде,
А завтра где? В эн-ка-вэ-де!
Свобода... свобода... свобода!

Коктебель действительно был центром свободоловения, сбора интеллигенции и студентов. Чтение стихов было обычным делом. Будто и приезжали туда, чтобы почитать стихи. Именно в Коктебель мы приехали, когда советские танки топтали землю Чехословакии. Это событие потрясло всех, не было ни литератора, ни философа, ни любого мало-мальски мыслящего человека, на него бы не отозвавшегося. Это – конец и оттепели. Начало всех и всяческих разгонов. Переход в застой – время, косное политэкономически, ибо интеллектуальная (художественная, писательская, набиравшая силу философская – заработали семинары!) была мощным ключом. *Философия была немыслима без этого включения в общегуманитарное просвещение, как и последнее было уже немыслимо без философии.*

В то время многие – независимо от профессии и возраста – внимательно следили за происходящим в Европе, симпатизируя Пражской весне так же, как впоследствии польской «Солидарности». Знали, что лидеры СССР не допустят развала Варшавского пакта, и только

гадали, где что произойдёт. Летом 1968 г. мы ехали в автобусе по Молдавии. По дороге пылили солдаты.

– Запасники, – сказал муж.

– Откуда ты знаешь?

– У них гимнастёрки на животе сбоятся. Новобранец так бы не смог: собрал бы складки сзади.

Когда приехали в Измаил, увидели, что по Дунаю шастали военные катера. «Румыния», подумали мы. Когда 21 августа прибыли в Коктебель, оказалось – Прага. С этого момента пошла другая, настороженная жизнь.

Тогда, в Коктебеле, Евтушенко, узнав о событии и взыв, побежал к телефону на почту выражать кому-то высокопоставленному свой протест. А потом написал стихотворение, датированное 23 августа 1968 г. и напечатанное спустя 21 год, в 1989-м, в альманахе «Апрель».

Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.
Танки идут по соблазнам
жить не во власти штампов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков.
Прежде, чем я подохну,
как – мне не важно – прозван,
я обращаюсь к потомку
только с единственной просьбой.
Пусть надо мной – без рыданий
просто напишут, по правде: «Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге».

Двойственное поколенческое существование вновь раскололось, что ещё раньше было усугублено гражданской казнью Пастернака за Нобелевскую премию, реально за публикацию за границей романа «Доктор Живаго», судом над Иосифом Бродским, Абрамом Терцем (А.Д. Синявским) и Николаем Аржаком (Ю.М. Даниэлем).

Диалогика Библиера

Я хочу подчеркнуть единственное число этой, как говорил Библиер, двойчатки. Речь не столько о «возвратно-негативной», по Дубину, связи между «старшими» и «младшими», а о единой нити мышления. Она или есть или её нет, независимо от старших /младших. Конечно, есть и возвратно-негативный процесс, дихотомический челнок ходит туда и сюда, но в целом создаёт одну нитку, разделить которую можно, но трудно. Все время надо делать какие-то едва заметные микропереходы. Разрывы внутри поколения проходили через множество капилляров, которые делали чужими людей, даже одинаково настроенными политически. Что уж говорить о разнице между обывательским и активно-личностным отношением к происходящему. Обывательское отношение базировалось на признании стадности, её девиз «быть как все», редкие дети не слышали его от родителей. И дети, слушавшие родителей, дававших им такой совет, поколенчески мало от них отличались. Здесь шла чёткая трансляция знания, поведения, оценок, отношения от отца к сыну, где отец и сын по сути тождество; здесь действительно нет времени. Появление текстов Петрова было созвучно такому существованию. Книга была написана к концу шестидесятых, в 1976 г. я сдала её на перевод в издательстве «Прогресс», он не вышла только в связи со сменой руководства и издательства и

непосредственно нашей редакции, о чем ниже. Логически традиционно-профессиональное кодирование вообще исключает поколенческую составляющую, здесь реально воспитываются два в одном, род как одно, хотя темпорально это и может быть представлено как смена поколений.

Но реально уже наступили изменения. Проблема поколения, которая у Дубина ещё в начале 2000-х гг. оказалась связанной с проблемой лидерства, на деле осталась в XX в. Хотя сама идея лидерства, как и при всяком конце, утрируется, даже у партий председателей или секретарей заменяют Лидеры. Передача достижений через трансляцию знаний очевидно важна для любой профессии. Кроме философии. Здесь признание связано не с достижениями. Здесь важны совершенно другие составляющие: удивление, ум, понимание, диалог, умение его вести. Трансляция знаний, безусловно, происходит, но это – пролегомены к пониманию, которое не транслируется. Глубоко интимные процессы понимания связаны с внутренним изменением всего человека. Здесь требуется не лидерство, а умение управлять с одной платформы разными проектами в условиях риска и неопределённости с большой степенью свободы в выборе решений. В создании такой платформы могли бы найти реальное применение идеи диалогии В.С. Библера, который в нашем вневедомственно сложившемся философском семинаре был всё ещё лидером, несомненным авторитетом и дирижёром, но особого типа. Диалог Библера – «то самое», что лежит в подкорке понимания, где рождается вещь, вместе с собой несущая проблему. Он «...в полном своём логическом понимании и развитии существует именно как предмет того, что мы условно назвали диалогикой или логикой начала (выделено мной. – С. Н.) мышления. Следовательно, диалогика – это явление, собственно говоря, присущее именно XX – кануну XXI века, специфическое для подхода, или мучения к подходу, в конце этого века. Следовательно, диалогии в таком ее виде логическом, как мы пытаемся развить, раньше не было, не существовало» [Библер б/г(а)].

Цель семинара, который он вёл несколько десятков лет, для его участников состояла в том, чтобы попытаться каждому в своей предметной области постичь логику мышления разных эпох (античной, средневековой, нововременной), показать его возможности, трудности и момент возникновения необходимости одного для другого.

Но «говорить в полной мере о диалогике по отношению к Античности или по отношению, скажем, к Средневековью, к Новому времени» нельзя, «...хотя в свете диалогии раскрываются диалогические (от слова диалогика) возможности всех предшествующих эпох. Поэтому включённые в наше мышление, в нашу логику, в нашу жизнь даже, логические понятия, диалектические контрверзы прошлых веков приобретают и сами характер, актуализируют свою сущность в качестве моментов диалогии (выделено мной. – С. Н.), моментов спора логик, сопряжения логик между собой типа трансдукции и начала логики» [Там же].

Идея диалога, разумеется, была и до Библера, достаточно сослаться на М. Бубера, Ф. Розенцвейга, О. Розенштока-Хюсси, М.М. Бахтина. Но Бахтину дан ответ в книге «Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры». Чего не было у диалогистов до Библера и в чем его главное отличие? Никто прежде не рассматривал мышление как диалог и логику как философскую логику культуры, укоренённую внутри меня, которая задаёт проекции как в прошлое, так и в будущее.

Библер как бы отвечал на вопрос Гефтера: «есть ли будущее у прошлого?», давая утвердительный ответ на него, ибо то настоящее, из которого шел вопрос в прошлое, и было этим будущим для прошлого, а настоящее, из которого шел вопрос в будущее, ежеминутно уходя, было прошлым для того, что ещё не настало или вот-вот настанет в процессе обсуждения. Здесь, в этой точке настоящего, понятой как пограничье, и возникает культура как то, что собственной территории не имеет (в этом Библер был солидарен с М.М. Бахтиным). В этом предположении Библер был решительно не согласен с Гефтером, ибо такое точечное представление о культуре делало её всеобщим, логикой начала, где ещё ничего нет, где надо

изобрести самоё логику. Такая возможностная логика не может быть ничем иным как логикой парадокса, началом множества логик. Такую логику Библер называл диалогикой.

Библер постоянно подчёркивал, что, вообще говоря, логика одна, но, работая, она всегда доводит себя до того, что можно назвать бахтинским словом, – выголашивания. В это «почти ничто», в логический распад понятий, когда само это – ставшее, работавшее – понятие становится проблемой, стремится попасть логический скальпель, обнаруживающий творческую силу, видящий там, в сфере не понятия, а понимания, то множество логических структур, каким обладало множество их носителей, прежних культур: античный, средневековый, нововременной разумы обнаруживают себя и свидетельствуют те возможности и способы, какими они участвуют или готовы со-участвовать в новой со-временности. Потому одним из важнейших понятий, благодаря которому осуществляется диалог логик, является понятие трансдукции (перевода), которая осуществляется в момент замирания доведённого до предела понятия (на мой взгляд, это происходит во времени 0), когда только и возможно не понимание (могущее оставить субъекта равнодушным), а взаимопонимание, полностью преобразующее субъект понимания.

Так понятый диалог понимается не феноменально (как спор между людьми), а как реализация внутренней беседы разума с самим собой о смысле бытия. Разум обнаруживает способность самокритики, из познающего преобразуется в понимающий при опоре на личностное общение, со-участие разных языков и объединение в группы по интересам.

Как видим, сектор Гефтера работал с противоборствующими тенденциями, вырабатывающимися внутри темы культуры, которая исследовалась по-разному и семиотиками, и структуралистами, и др. Но принципы работы у всех были разные. Группа Библиера совершенно не контактировала с кружком Г.П. Щедровицкого: хотя Щедровицкий занимался и методологией, и теорией мышления, Библер уходил от деятельностного подхода и учебно-деловых игр. Щедровицкому, который «всю жизнь считал себя идеалистом», не была близка библиерская логика, которую он считал релятивистской. Именно это он сказал мне в 1982 г. на конференции в Пярну. Очевидно, что структурализм так же не выводим из логики Библиера, как и проект Школы «Диалог культур» не совместим с проектом известной в то время школы В.В. Давыдова. Семинар опирался – жёстко и требовательно – на чтение и знание философских текстов, на философскую, не формальную, логику.

Щедровицкий, Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев были людьми, сломавшими, по выражению В.С. Стёпина, хребет философской догматике, но в число этих людей можно записать и Библиера, и его семинар, который был мал (кто-то сказал – малоизвестен, это не одно и то же), но продолжался более 30 лет – вплоть до смерти Владимира Соломоновича. Лотмана он считал «одним из самых насущных Собеседников», вне общения с которым мышление было бы ущербным, потому что при несовпадении «конструктивных воззрений» такими Собеседниками ставятся те же вопросы. Московско-тартускую школу он считал «первым научным н а п р а в л е н и е м, научной школой, в строгом смысле этого слова. С чётким формализмом терминологии, со своим собственным, постоянно обновляемым я з ы к о м и формой мышления, с ясным очерчиванием тех вопросов и тех ответов, смысл которых составляет... смысл понятия Ш к о л а» [Библер б/г(б)]. Ильенкова почитал, и после смерти Эвальда Васильевича мы провели семинар его памяти. Но от образа мысли Ильенкова к этому времени был далёк. С Петровым были конструктивные связи. Библер очень высоко оценил его книгу «Язык, знак, культура», считая значимыми и «теоретическую и историческую аналогию между анализом речи анализом наукометрических процедур: динамикой цитирования, связи научных публикаций, заполняемых лакунами, текстовых сцеплений» и особенно за введение более высокой, чем предложение единицы, называемой Петровым серией предложений [Библер 2010: 239].

Эта «серия предложений» оказалась и мне очень близка: я в это время работала над идеей концепта, предполагающего речевое взаимодействие субъектов речи, т. е. выражав-

шейся как раз в серии предложений и персонально различённой. Речевые проблемы сблизил нас: мы стали друзьями, а я в какой-то мере его, Петрова, биографом.

В некоторых моих определениях, связанных с характеристикой нашего поколения, звучал термин «перевод». Что это значит концептуально?

Недавно вышла книга «Нора Галь. Мама Маленького принца. Неизвестный архив Норы Галь». Эта книга документов, воспоминаний, отзывов на переводы (прежде всего Сент-Экзюпери), заявки на издания книг, биография, благодарности важна и нужна для определения принадлежности «собранию разных» и для микроистории [Нора Галь 2019]. В книге – разные разности, бережно сохранённые материальные остатки человеческой жизни, пропитанные её духом. Помимо того что Нора Галь много и отлично переводила множество книг, без которых трудно представить XX в., она выполняла ещё одну миссию – хранить память своих коллег-переводчиков, а для этого прежде всего надо было напоминать читателям (и издателям!), что «Хемингуэй не писал по-русски, у многих книг, которыми восхищается в России не одно поколение, есть и второй, по-своему не менее надёжный автор» [Там же: 46].

Однажды Эдда, дочь Норы Галь, с института дружившая с моим мужем, пригласила нас с маленьким сыном на день рождения своего сына Мити, когда тому исполнилось два или три года. Туда же пришел и друг семьи – с бородкой, небольшого роста, – нежно общавшийся с мальчиком. Разговор зашёл о детской литературе, и я высказалась в том духе, что вот-де мы читаем «Приключения Буратино» и «Волшебника Изумрудного города», подписанные именами А.Н. Толстого и А.М. Волкова, которые адаптировали истинных авторов – К. Коллоди и Л.Ф. Баума, имён которых на обложках нет. И этот человек сделал мне строгий выговор, прочитав на детском празднике почти лекцию о семантических трансформациях в переводе.

Трансформации, разумеется, были, поскольку их не может не быть в переводе, но акцент был сделан именно на том самом авторе-переводчике, «надёжном авторе», действительно введившем читателя в более широкий мир, чем его собственная обитель. Стыд от этого выговора сохранился и по сей день, хотя и тогда, и тем более сейчас мне есть что ответить и по поводу двух авторов, и относительно смысловых переименований – я всю жизнь этим занимаюсь.

Но привлекло моё внимание в книге иное: в 1992 г. на вечере памяти Норы Галь её внук Дмитрий Кузьмин, в то время ещё студент, в речи о необходимости бережно относиться к культуре и человеческой личности, потому что «и той и другой недостаёт» нынешним лицемерам, представляющим «смутное время, время дутых величин», назвал «страшным заявлением» выражение Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт!». «Страшным заявлением – и потому, что больна та страна... где поэту недостаточно быть просто поэтом, и потому, что “больше, чем” оборачивается в сущности “уже не”... Бабушка Нора не была больше, чем переводчиком... Она была Переводчиком – и только...»

«Была Переводчиком». Уйдя в полемику о реваншизме графоманов, Дмитрий не заметил, что на деле определил эпоху, в которой и до 1991 г. (Нора Галь умерла на грани эпох: в год краха советской власти), и вплоть до настоящего времени переводчик был не только одним из родов литературной деятельности: все роды гуманитарной деятельности были переводческими. Новые поколения переводят мысли Платона, Августина, Декарта, Канта в собственную мысль, укореняя их там и питаясь ими. Суть перевода в признании изначальности, оно – основа любого языка. «Перевод есть проигрывание заново, переоформление данной формы по правилам общечеловеческого языка, он в принципе столь же самостоятелен, как оригинал... Оригинал является оригиналом чисто внешне, во временном смысле. По существу, т. е. в своём отношении к внутренним возможностям человеческой речи, он не более оригинален, чем перевод... Переводчик прикасается к общечеловеческому языку, когда пишет на своём» [Бибихин 2001: 226–227].

Бибихин написал это в 1973 г.

Мы говорили, что у нас хорошая переводческая школа, знали переводчиков. Перевод был повсюду, была радиотрансляция, т. е. радиопередача, радиоперевод, учились английскому, чтобы понять песни Битлз, исследовались различия в трансляции в разных культурах, ибо трансляция обеспечивала общение, ставшее особенно востребованным после многолетнего отрыва от мировой культуры. Борьба с «культом Сталина», синонимом тоталитарной системы, означала борьбу за общение – не только внутрличностное, источником которого является «живущее поколение людей», но и с природой, которая при одинаковых требованиях, предъявляемых живому, позволяет адаптироваться к ней людям с разными социальными установками, наборами знаний и механизмами их передачи или переустановления. О трансляции-переводе как о научении профессиональному делу говорил Петров, о трансдукции-переводе-преображении мысли – Библер. Если продумать это, то очевидно, что культура – не развлечение, а трудное дело постижения мира, требующее заботы и внимания. Поэтому поэт не больше, чем поэт, это божественная порода: куда уж больше.

Роль микроистории в определении качества жизни

Работа в «Прогрессе», в Институте технической эстетики, где почему-то оказывались философы (О.Е. Генисаретский, Т.Б. Любимова, В.П. Зинченко) и куда меня привёл после развала редакции Карпинского Э.Г. Юдин и где почему-то встречались люди из разных разваленных институций, домашние семинары с Библером, походы на лекции Мамардашвили и Библиера в МГУ и Институт педагогической психологии – это уже мир застоя, или развитого социализма. Застой фактически оформился принятием новой Конституции СССР в 1977 г., в которой была закреплена однопартийная система, а народ скопом стал называться советским, т. е. не этническим, а идеологическим именем. Я помню, как в журнале «Природа», не желая переносить политинформацию, посвящённую Конституции, на другой день из-за неявки докладчика, я вызвалась рассказать о ней, забыв при перечислении её «достоинств» упомянуть пункт про новую общность. Наш художник, П.Г. Абелин, тут же напомнил об этом, считая, что это статья направлена против антисемитизма. Вопреки его желаниям, однако, антисемитизм никуда не делся, но из Конституции все же убрали пятый пункт и давали возможность евреям и неевреям уезжать в Израиль («Мишке там сказали “нет”, ну, а мне – пожалуйста», В.С. Высоцкий). Гражданская активность в это время возросла: помимо литераторов в борьбу за изменение советского строя включились учёные (естественники и гуманитарии – Сахаров, В.Ф. Турчин), нацпредставители, бывшие переселенцы. Этому способствовала и развязанная СССР война в Афганистане, от которой мы правдами и неправдами спасали наших подросших сыновей.

Но интеллектуальных бунтов стало больше, они шли параллельно философским бунтам, за которыми следом шли какие-то странные послабления. Бульдозерами и водомётами растерзали было нонконформистскую выставку художников (мы были в Беляеве вместе с десятилетним сыном), восстановленную этими художниками тотчас – в квартирах почитателей и соратников: у меня дома три картины из дома на Рождественском бульваре, а через год мы выстаивали очередь в павильон «Пчеловодство» на ВДНХ, где она была официально открыта.

О застое был прекрасный цикл песен Галича о передовом рабочем цеха по изготовлению колючей проволоки Климе Петровиче Коломийцеве. Я их все помню, но особенно «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира». Галич – драматург, песни драматургически выстроены. Клим Петрович рассказывает о митинге в защиту мира, куда его привёз «порученец», передав заранее заготовленную речь выступления:

Приезжаем, прохожу я на сцену,
И сажусь со всей культурностью сбоку.

Вот моргает мне, гляжу, председатель:
Мол, скажи свое рабочее слово!
Выхожу я,
И не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:
«Израильская, – говорю, – военщина
Известна всему свету!
Как мать, – говорю, – и как женщина
Требую их к ответу!
Который год я вдовая,
Всё счастье – мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина!..»
Тут отвисла у меня, прямо, челюсть,
Ведь бывают же такие промашки! –
Это сучий сын, пижон-порученец
Перепутал в суматохе бумажки!
И не знаю – продолжать или кончить,
В зале, вроде, ни смешочков, ни вою...
Первый тоже, вижу, рожи не корчит,
А кивает мне своей головою!
Ну, и дал я тут галопом – по фразам,
(Слава Богу, завсегда одно и то же!)
А как кончил –
Все захлопали разом,
Первый тоже – лично – сдвинул ладоши.

Меня, когда я это вспоминаю, и сейчас давит смех.

Когда ещё романы и повести многих из тех писателей, которые были в то время знамениты, трудно или даже невозможно было найти в книжных вариантах (компьютера ещё в помине не было – до девяностых ещё двадцать лет) – я выдирала из журналов мне нужное и, казалось, нетленное и переплетала как отдельные книги. Среди стихов – вдруг – старые вирши Пастернака, публикацию которых готовили его сын Е.Б. Пастернак и Г.Г. Суперфин, который в 1974 г. станет работать в «Новом мире» и будет арестован то ли за «Хронику текущих событий», то ли за помощь А.И. Солженицину в «Красном колесе», то ли за сборник материалов о «деле Гинзбурга». В стихах страница вздрагивает от пастернаковского внушения «опомниться, надеть башлык и выйти / к другим, к потомкам, как из забвения». Стихи, написанные в 1928 г., вновь ожили в конце шестидесятых, пригодившись не только «Маньке из обувного»: поэт осознал себя живущим «в мире в первый раз, на вас и вашу прелесть глядя». Снова Пастернак, и снова разрыв: конец застоя, отличившийся – помимо прочего – от оттепели обещанием Ю.В. Андропова искоренить (пересажать) всех диссидентов.

Сейчас любопытно смотреть на свои книжные полки, где рядом лежат фотокопии, ксерокопии, какими-то путями прибывшие зарубежные издания и, наконец, типографски изданные книги одного и того же недозволенного, а потом дозволенного в СССР автора; лежат рядом журналы в одинаковых обложках: прежде реакционные «Огонёк» и «Октябрь» с перестроечными «Огоньком» и «Октябрём». Такой набор уже мало кого интересует. Ибо: «никакой сущности у него [мира] теперь не было. Во всем царила страшноватая неопределённость». И хотя написано это о поколении, родившемся от шестидесятников XX в., но ведь и шестидесятники в нем участвовали, играя решающую роль, раз до сих пор говорят о пенсионерах, якобы мешающих жить по-новому, говорят как о целом поколении, в то время как оно фатально разделено.

«Нетерпение» Трифонова (о проклятом сейчас А. Желябове) начинается: «К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна».

Моя память, как видим, переполнена вещами, которые принадлежат ведению микроистории и в которой люди говорят на разных языках. Сепир утверждал, однако, что вроде бы «факты свидетельствуют о том, что “реальный мир” в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества». Но «не существует двух языков настолько тождественных, чтобы их можно было считать выразителями одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки» [Сепир 1960: 77]. В таком случае любая целостная территория мира должна быть заставлена берлинскими стенами. Однако то, что сказал Сепир, предполагает: выяснять дело надо с помощью именно микронов мысли, шаг за шагом выясняя, то ли имел в виду собеседник, произнося свою речь, фразу, слово.

Сейчас сеть так расставила ориентиры, что возрасты и речи перемешались. Мой внук меня, отца и мать называет по имени. В приоритете – общность интересов, обмен знаниями, авторитет ума, не элит (слова Т.Б. Любимовой: «элиты много, а авторитет один»), и информации. Мгновенно можно оказаться вне пределов досягаемости, просто потеряв мобильник.

Отношение к реальности, соответственно, к поколениям начал менять кинематограф. Визуализация способствовала тому, что осязательно приблизились прошлое и будущее, их представление перестало быть проблемой: они вот сейчас, на экране сначала белого квадрата, потом компьютера, мобильного, другого гаджета. Историю Александра Невского знают по фильму С.М. Эйзенштейна. Мы не только слышали о нашем предке, но вот сейчас получили возможность видеть его таким же молодым или старым, как сам. Мой внук создал свою образную классификацию: «Вы, – сказал он, – черно-белые» – «Как это?» – удивилась я. «А ты посмотри старые фотографии, они черно-белые» – «А XIX век, когда фотографий не было?» – «О, они цветные – были картины...»

Это черно-белое, конечно, обнажает различие между «нашей» ушедшей и «нашей» нынешней эпохой, но кадры захвата Зимнего, походов Фанфана-Тюльпана, походов викингов или беспримерного сражения Леонида с персами в Фермопилах рядоположены. Зритель оказывается в ближайшем соседстве не с костями и скелетами, а с живыми людьми, имея дело с одновременной реальностью. В этом смысле весьма показательны экзамены: студенты бегло рассказывают о содержании тех или иных учений, но на вопрос, когда это случилось, часто затрудняются ответить. Показательно, что сейчас в рубрику «методы работы», о которых необходимо рассказать, все записывают сравнительно-исторический метод, даже не пытаясь его использовать. Воспоминания, вроде тех микроисторических событий, что я пыталась описать выше, сейчас идут в ряду этого же аудио-визуального ряда. Реальности перекрестились. Нарративы о происшедшем тем и интересны, что они обнаруживают этот перекресток и пограничье, где нарратив, обозначая некое событие, «понимает», что описание – не это событие, даже не его срез, а другое его, столь же реальное существование. Оба события возможны как оба события при наличии свободы суждения, меняющего представление о времени. Факт, т. е. нечто уже свершившееся, когда о нем говорится, становится со-временным, где вчера и сегодня начинают слипаться. Если «отделительный» падеж от существительного «вечер» означает «накануне сегодняшнего дня», т. е. прошедшее, то выражение «сегодня вечером» ближе к будущему времени. «Ни один момент времени никогда не мог бы перестать быть, и ни один момент никогда не мог бы стать другим моментом» [McTaggart 1927: 52–54, 62, 121–122]. Это ответ на вопрос, зачем нам надо изучать прошлый опыт – он в нас, хотя скрыт в памяти.

Динамика застоя, или «Пеньковая душа эпохи»

Трудно перечислить те необыкновенно динамичные черты эпохи при политическом застое, не сравнимые с затхлыми нынешними скрепами и жухлыми словами (вроде «сниккерс-

нись») молодых и зрелых современников. Только такая динамика и позволяла идти сквозь «пеньковую душу» идейных бюрократов, которые, впрочем, иногда оказывались оборотнями, и не в худшем смысле слова.

В Институте всеобщей истории в секторе по подготовке «Всемирной истории» работал М.С. Восленский. Нас с Е.М. Михиной после разгона сектора методологии истории направили на работу туда. После разговора с ним вышли с твёрдым убеждением – дела с этим человеком не иметь: в золотых очках, разговаривает вкрадчиво, осторожно. А через некоторое время оказалось, что он, будучи в командировке в ФРГ, стал невозвращенцем. Работал комментатором на радиостанции «Свобода» и написал книгу «Номенклатура».

Многие научились «жить по правде», обходя идеологические препоны: шли в рабочие, как писатель и инженер Ю.А. Карабчиевский, в дворники, как его сын Аркадий (Аркан Карив), преподавать языки. Но социальная и профессиональная жизнь большей части интеллигенции, не способной к таким радикальным переменам, зависела от идеологической остроты. «Есть в США Пентагон, и мы присутствуем сейчас на докладе одного из его представителей». Так говорил А.Н. Чистозвонов, «не к ночи будь помянутое» имя, заведующий сектором истории средних веков в Институте всеобщей истории на семинаре, где слушали выступление А.Я. Гуревича, одного из лучших историков страны. Однако способность, хотя и в другом направлении, идти за кем-то, примыкать к чьей-то позиции без рефлексии этой позиции сохранилась и в нынешних поколениях, родившихся от поколения шестидесятых. Это всё та же идеологически отравленная часть его, с которым, правда, уже произошли внутренние перемены. И не является ли бездумное следование авторитету особенностью любого человека, живущего в зоне универсально-понятийного кодирования, т. е. внутренне зависимого от общего (массы), даже если сам он считает себя отличным от неё?

Те, кого сейчас называют шестидесятниками и кто на деле равной составной частью входит в одно большое поколение, были интеллектуально жадные, читали и участвовали во всем, что можно и чего нельзя. Складывались «свои группы»: щедровитяне (те, кто ходил в кружок к Щедровицкому); сектор Ю.В. Левады в ИКСИ; семинары Н.И. Родного, М.Д. Рожанского, Библера, Туровского; был семинар четырёх: В.А. Лекторского, А.П. Огурцова, В.С. Швырева и Э.Г. Юдина, которые осмысливали роль философии как феномена культуры. Вокруг Гефтера после его ухода из Института всеобщей истории сложилась группа молодых историков (Арсений Рогинский, Глеб Павловский, Владимир Максименко, Михаил Рожанский...). С его благословения был создан журнал «Поиски», делавшийся втайне от всех, кроме КГБ. А.П. Огурцов, друг Гефтера, страстный книголюб, как-то спросил его: «Делать-то делаете, но где почитать?»

Я ходила в семинар к Библеру и, дружа с ним, была одновременно очень дружна с Гефтером, что вызывало некое недовольство обоих, ибо они были друзья-враги. Гефтер был одним из создателей клуба интеллигенции «Московская трибуна». Он, редко лично на нем присутствовавший, просил меня комментировать происходящее на нем, особенно выступления Библера и ещё одного создателя «Московской трибуны», но я оказалась для этого негодной, и он эти «полномочия» передал другому. Люди старшего поколения были или полностью открыты друг другу, или не во всем доверяли друг к другу (иногда, скажу шёпотом, используя нечто вроде шантажа), их долго воспитывали в этом недоверии, и оно вольно или невольно пропитывало их.

Целью диссидентских обращений к Западу было разрушение стены замалчивания происходящего в СССР. Но при этом возникала такая групповая сомкнутость (зерцало тоталитаризма), которая негласно препятствовала самостоятельному поступку. Было и опасение не согласиться с уже сложившимся мнением о ком-то, кто ходил, например, под вывеской «демократ» или «либерал». К одному из них я уже во время перестройки обратилась за помощью опубликовать в журнале, где он был заместителем главного редактора и с которым сложились тёплые отношения, повесть М.К. Петрова «Экзамен не состоялся». Он отверг её, сославшись на её якобы

плохую стилистику. Я обиделась за Мишу и попросила вернуть рукопись, но рукопись, оказывається, «пошла по рукам» сотрудников редакции, её вернули много позже: так действовал «суконный язык» повести. Помог Анатолий Иванович Стреляный, работавший тогда в «Новом мире»: он почти мгновенно её прочитал, предложил в родной журнал, получил отказ, но при возможности опубликовать в журнале «Дон» безотлагательно написал к ней прекрасное предисловие. О достоинствах этой повести, равно как и о философском творчестве Петрова, теперь, после изданий его работ, можно судить беспристрастно, но тогда страх, что «вдруг что-нибудь случится», не позволил авторитетному писателю взять на себя риск публикации. Определял ли он лицо поколения? Безусловно, но той его части, к которой принадлежать бы не хотелось, ибо налицо – ложный либерализм.

Неложное

Было ощущение блефа. Многие думали одно, говорили другое. Объявляли коммунизм через 20 лет, хотя не было и его первой стадии. Определяли в психушки здоровых людей, в тюрьмы – правозащитников. В 1970–1980-х гг. в СССР были самые умные дворники. Философа М.К. Петрова взяли на работу в Ростове-на-Дону с условием не ходить на работу. Дети, отцы которых были евреями, брали материнские фамилии. В редакции научного коммунизма, а значит – и атеизма, мы умудрились издать расширенный вариант «Науки и нравственности» (М.: Политиздат, 1971), в которой заглавную роль играла статья Арсеньева о христианской морали. Ответственный редактор русского издания кричал на меня: «Я в ЦК пойду». Но книга вышла по-английски в нашей версии. Все книги Гуревича были опубликованы, потому что на требование цензоров положить их вот сейчас на стол редакторы отвечали, что за были рукописи дома.

Что высветило диссидентское движение? Термин «движение» стал привычным, хотя именно он нуждается в определении. Сейчас интересно наблюдать, как пишут иногда о себе люди, волею судьбы покинувшие родину. «Я диссидентом не был, – чаще всего сообщают они, – но мне (ему, ей) не давали возможности печататься, снимать фильмы, исследовать это, говорить то», т. е. уезжали от невозможности свободно жить. Даже Гефтер, вдохновитель «Поисков» и «Памяти», за которые посадили его друзей, называл себя аутсайдером, не диссидентом. Реально диссидентами можно считать тех, кто активно и сознательно действовал против советской власти, воззваниями, книгами, действиями побуждая узнать то, что знать запрещалось. У Лины Борисовны Тумановой, например, при обыске забрали том Ницше, который теперь печатается тогда, когда пожелает издатель.

До сих пор говорить о Лине больно. Для неё философия и жизнь были нераздельны. В 1970 г. она защитила в МГУ кандидатскую диссертацию «Понятие свободы и необходимости в философии Гегеля», участвовала в затеянном Библером «Споре логических начал» XVII в., где выступала от имени Лейбница [Спор логических начал... 1989]. Она умерла дома, после недолгого пребывания в Лефортовской тюрьме, куда попала за диссидентскую деятельность. После смерти были опубликованы её перевод книги А.Н. Уайтхеда «Приключения идей» и сборник работ «Свобода и разум. Избранные философские работы»⁴.

«Есть много причин, заставляющих поэпизодно вспоминать не столь уж давнее философское одиночество людей, выталкиваемых из жизни». Я написала это в 2008 г., но и сейчас повторю то, что и тогда: «События последнего года показывают, что не столь уж состарилась память о тоталитарной эпохе, что пиар способен восстановить позиции всеобщей хоровой здравницы, фанатичного желания единодержавия, единодушия и единокандидатствования»

⁴ См. мои материалы к её биографии в книге «Философские одиночества» [Неретина 2008] и предисловие к книге Уайтхеда «Приключение идей» [Уайтхед 2009], предисловие Библера к книге «Свобода и разум», наши с В.Л. Рабиновичем слова памяти и рецензию многолетнего друга Лины Борисовны Т.Б. Длугач в «Вопросах философии» на «Свободу и разум» [Туманова 2010].

[Неретина 2008: 94] с фальшивыми переопределениями, хотя и с совершенно изменившимся социально-политическим климатом. «Мы потеряли великого человека», – сказал Библер на похоронах Лины Тумановой. Она действительно отвечала наивысшим чаяниям своего поколения. КГБ прислал **соглядатаев** и к крематорию, и на поминки. Этот соглядатай, которого мы сумели опознать именно как соглядатая, читал на них стихи Ахматовой.

Бибихин, с которым мы работали в секторе методологии и этики науки, куда его пригласил Огурцов, счастливый этим сотрудничеством, был первым, кто попытался понять то новое, неясное на фоне старых требований свобод; он писал, что «определение понятий права, имущества, вины выносит систему права из рабочего режима в область интеллектуального выяснения, делает право не естественным образом жизни, а инструментом для особых нужд» [Бибихин 2005: 254].

Поражение философии?

С Александром Павловичем Огурцовым, тогда просто Саней, мы познакомились у Гефтера в момент, когда делались попытки как-то защитить сектор. Он к тому времени был очень известен: подписант, выступавший против осуждения группы Гинзбурга, в свою очередь выступившего против осуждения Синявского – Даниэля. Но, что гораздо важнее, у Сани был философский авторитет. И этот авторитет был создан его необыкновенной, кипучей деятельностью. Жесточайший критик академика без высшего образования Митина, он, будучи в 1962 г. младшим научным сотрудником Института философии АН СССР, писал «по заданию дирекции» для него доклад. Одновременно продолжал тему своей дипломной работы, посвящённой проблеме отчуждения в философии Гегеля, затем отчуждения у Маркса, не гнушаясь обращаться и к «элементам диалектики» Ленина.

Я уже писала, что «ленинские» взгляды многих оттепельных реформаторов были до конца шестидесятых руководящими взглядами. В одной-единственной статье, посвящённой Ленину, написанной в соавторстве для сборника «Ленин об элементах диалектики», Огурцов решил, что у Ленина «сравнительно редко встречаются высказывания, где даётся философский анализ» диалектики, такого, к примеру, её элемента, как переход количества в качество. Зная настырность Огурцова (я читала эту работу уже после его смерти, читала скептически), у меня и сомнений не возникло, что он какое-то высказывание нашёл, выискивая постранично из двадцати одного тома Полного собрания его сочинений то, что имело действительное отношение к диалектике, но забыв в поисках о вожде мирового пролетариата. Вот где ирония! Не в ленинских воспроизведённых в статье цитатах (куда от них деться), а в поисковой увлечённости.

В дальнейшем он к этим темам не возвращался, ибо возникло стойкое отвращение к казарменно-репрессивной идеологии и интерес к философской антропологии Маркса. Был интерес к переводу Маркса в это русло, поскольку в первую очередь Огурцова всегда интересовал предмет исследования. Это сейчас те, кто ещё помнит, что Ленин писал «Философские тетради», но не участвовал непосредственно в философской жизни в то перекраивающее мозги время, могут иронизировать над работой по изучению Ленина. Мы, например, всегда подтрунивали над Гефтером. Но в эпоху оттепели, когда со всех сторон звучало, что мы возвращаемся к чистому революционному началу, где комиссары в пыльных шлемах и комсомольские богини, искушение заниматься Лениным у тех, кто не только был «против», но и интересовался, «почему» был против, было не менее велико, чем выйти на площадь. Тем более что уже повсюду раздавалось требование понять и осмыслить саму реальность без навязанной ей идеологии, или: осмыслить методы присвоения социальной реальностью этой идеологии. Гефтер к тому же считал, что к политике не должна «лежать душа». Но можно представить и степень отвращения к ленинским экспериментам, которые сама же страна дозволила, чтобы неприязненно и иронически относиться к анализу ленинских идей.

Философское сообщество того времени проходило искушение Марксом. Библер долго считал себя марксистом. Зиновьев, Щедровицкий писали о Марксе, Мамардашвили читал курс лекций в Коммунистической аудитории МГУ, которые начал с вопроса о том, почему трудолюбивый Маркс не закончил «Капитал».

На Огурцова громадное воздействие оказало прочтение Маркса, ранних работ Д. Лукача и «Бытия и времени» М. Хайдеггера особенно в связи с теорией отчуждения. Его интересовало противопоставление Марксом мира свободы миру необходимости, созвучное Канту. Эта двойка вообще интересовала его больше всего. Он активно включался в дискуссии о Марксовой теории абстрактного и конкретного труда, о сопоставлении теорий Маркса, А. Бергсона и Л. Альтюссера, как точек зарождения основных линий философии второй половины XX в. Речь шла не о сравнительно-историческом методе, а о трансдуктивном переключении позиций, чем вызвано внимание Огурцова к диалогике Библера (однажды он был модератором на обсуждении его книг). Но я, близко зная Огурцова много лет, не отважилась бы назвать его марксистом, несмотря на «кирпичи» «Марксистской концепции истории естествознания», которые он создал вместе с Б.М. Кедровым в 1978 и 1985 гг., и благодаря статье «Марксизм» в Новой философской энциклопедии: его интересовал метод перевода философии, даже жёстко политизированной, на такой уровень понимания, который позволил бы ему оказаться при её начале, что позволило бы обнаружить степень и возможности становления этой философии идеологией. Марксизм интересовал как завоеватель мира. Но вообще он с радостью влезал в любую проблему с любым коллективом авторов: с Н.Ф. Овчинниковым, Е.А. Мамчур, Р.С. Карпинской, если видел в них возможность включения мысли, а поскольку не был честолюбивым, то делал это с любовью к искомому предмету и философским пристрастием.

Я бы назвала его заводилой мыслительных процессов, умеющим «раскрутить» само начало. Его вела энергия мысли и высочайшее знание дела, позволявшие критически оценивать позиции – он находил сходства там и с теми мыслителями, интересы которых лежали, казалось бы, в стороне от предлагаемого запроса.

Огурцова отличала к тому же строгая рациональность, он считал несомненной правоту Гегеля, что иррациональным нечто объявляется потому, что не найден путь рационального объяснения. Он был сторонником не какого-то философского направления, а направленного, выясняющего по пути стремящейся к мудрости мысли все возможности ума. Даже сейчас, спустя шесть лет после его смерти, приходится иногда слышать: как жаль, нет Александра Павловича – не хватает его остроты и зоркой вездливости. Он распространял в нашей внутрифилософской жизни своего рода когнитивный вирус. Умение начать сначала, умение задать вопрос и понять, правильно ли он задан, изменить ракурс рассмотрения или увидеть новое в голове собеседника – это и есть любовь к мудрости.

Мы с ним вместе сделали пять книг: «Время культуры», «Пути к универсалиям», «Реабилитация вещи», «Концепты политической культуры», «Онтология процесса» – и несколько статей в различных сборниках и энциклопедиях: нас свела идея концепта (он называл себя концептуалистом) – «схватывания» вещи в момент её появления, её речевого проговаривания, в момент её живой схватки с обстоятельствами, в момент проявления персонального начала, основанного на равноправных сообщающихся отношениях мыслящих. Это каждый раз свой опыт универсального, постоянно готовый измениться, т. е. предполагающий свой конец. Эта же концептуальность связывала и его, и меня с Гефтером.

Шестидесятые и семидесятые годы были отмечены дружбой с Ильенковым, которого он в определённом смысле считал своим учителем, с Петровым, Шрагиным, Э.Г. Юдиным, В.А. Лекторским, В.С. Швыревым, это дружество – он легко дружил! – прерывала только смерть. С последними тремя была написана статья «Философия» в пятитомную «Философскую энциклопедию». К ней надо добавить ещё три проблемные статьи, из которых потом сложилась его кандидатская диссертация, – «Отчуждение», «Рефлексия», «Практика».

В нашей философии сложилось впечатление, что к философии Хайдеггера всерьёз отнеслись только после переводов 1993 г. Но о Хайдеггере (Гайдеггере) писал Н.А. Бердяев, писала в 1963 г. П.П. Гайдено, был перевод Теодора Шварца «От Шопенгауэра к Хайдеггеру» в 1964 г. В этом же году Огурцов делал доклад об экзистенциалистской философии языка Хайдеггера. Тюбингенское издание «Sein und Zeit» было у него дома. Его, Огурцова, хитрый просверк глазами сродни хайдеггеровским молниям.

Сейчас перечисленные работы о Хайдеггере не читаются, а тогда они как нельзя лучше обнаруживали оттепельные философские стратегии – отчуждения, Инакомыслящие сущности человека, фетишистского сознания, бюрократии. Статья «Отчуждение» в «Философской энциклопедии» – одна из серьёзных претензий Огурцова на философское звание и на понимание им философии как «определённого, предельного типа отношений человека и мира». Никакой идеологии, никакого партийного отношения к ней. Философия – это сама свобода мысли и слова, тематизирующая «предельные смыслы отношения человека к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому» [Интервью... 2005: 325]. Не освобождение от чего-то, а именно способность говорить как хочешь, можешь, как дано самой природой человека, в силу чего он человек. Желая понять разные точки зрения на предмет, он занимал антирелятивистскую, непримиримую позицию по отношению к возможным «смещениям». Статья «Поражение философии» – реакция на подобные смещения.

Библер в 1999 г. писал, что философия – не религия. «Философия исходит из того, что человеческий разум не обязан кому-то своим бытием, он самобытен так же, как художественное творчество, так же, как нравственность» [Библер 2002: 956]. Огурцов десятью годами ранее пишет статью «Подавление философии», а через 14 лет после Библеровой обращает внимание на то же, но уже как на поражение философии. Статью так и называет, перечисляя признаки поражения: инфицирование философии богословием, поворотом научной мысли к религиозным интерпретациям своих открытий, исчезновение ряда категорий и универсалий прежней философии и банализация категорий и методов. Если Библер пишет о правах философии, то Огурцову уже не до прав, поскольку речь идёт хотя и о мирном, но как в недалёком будущем исчезновении философии. Ясно, что это – тревожный знак.

Это проблемный узел, стягивающий прошлое и настоящее, заставляющий вспомнить перипетии прошлого. Ибо с другим размахом, но там и тут формировался канон (там парткратический, здесь теократический), который нарушать нельзя. Они решили в своё время с Э.Г. Юдиным поднять философскую планку после того, как главными философами стали М.И. Калинин, С.М. Киров, В.В. Куйбышев и др., имевшие отношение к парткратии, но не к философии. «Боюсь, что эту планку не удержать».

Первый период философской работы Огурцова можно назвать критическим, поскольку шел пересмотр заданных (каких? – марксистских? ленинско-сталинских? бериевских, наконец, позиций, считавших марксизм-ленинизм не философией, а вечным учением), второй – философско-научным, третий – философско-концептуалистским с выдвиганием принципа вероятностного пути знания. Все три этапа – осмысление философских кризисов. Первый символизировала статья «Отчуждение», где, помимо анализа термина «отчуждение» у Маркса и Хайдеггера, который употреблял этот термин как «способ бытия в условиях общественной, в мире повседневных забот».

Анализ понятия отчуждения Хайдеггером – пункт схода Огурцова с Библихиным, заставивший обоих обратить внимание друг на друга. В статье Огурцов иначе переводил некоторые термины, чем Библихин: если у Библихина *Man* – это люди, то у Огурцова – другие, всякий другой Библихина у Огурцова каждый. Не то важно, кто здесь прав, кто – нет, важен факт встречи. Огурцов жадно читал рефераты о современной философии Библихина, не соглашаясь с ним по поводу определения философии как дела. «Делают табуретки. А занятия философией напоминает скорее работу ткача, о чем писали и Платон, и Гегель» [Огурцов 2014: 993]. Но когда расформировывали сектор в Институте философии, в котором работал Библихин, когда отказались брать его

в свой некоторые маститые сотрудники под предлогом, что не знают, чем он занимается, Огурцов, удивившись, пригласил его к нам, в сектор методологии и этики науки, эхо гефтерова сектора. Где Бибахин и работал до 2004-го печального года.

Нет надобности быть инакомыслящим

Бибахин сейчас весьма известен в европейском мире. Там не только есть исследователи его творчества: на немецкий язык переведена его книга «Другое начало». Проводятся симпозиумы и конференции его памяти. И я даже не могу выразить к этому отношения: он так молча рассуждал, был в своей мысли столь интимен, что кажется иногда нелепым громко говорить о нем.

Сосредоточенность его ума поражала и заставляла даже думать не о том, о чем он говорил, а о том, как это приходит ему в голову. Я ни от одного из философов такого не слышала. Сначала записывала в блокнот впечатления от слушания, потом стали разговаривать. Тяжёлые ладони во время лекции или семинара поворачивались справа налево, и думалось, что хорошо бы не попасть под такую ладонь.

Его 80-летие отмечали в Институте философии РАН, в нашем журнале «Vox», в других местах, и мне захотелось представить его мысль через описание таких приёмов его речи, как догадничество, возврат, интимность, схватывание / захват, эффект задержки.

Иногда встречающееся утверждение, будто «академическая профессура... чаще всего не решается всерьёз заниматься своими ровесниками или теми, кого она могла застать при жизни» [Богатов б/г], не совсем, вернее, совсем не верно. Во-первых, текст начала, а тексты Бибахина таковы, не может быть академическим. В начале ничего нет. Оно зыбится предчувствием, потому и академического ответа быть не можем: в начало надо впасть. Когда сетуют, что книги Бибахина были «распространены... значит: кем-то куплены, возможно, прочитаны – и... при этом – совершенное молчание», то это молчание от отсутствия того градуса размышления, которым обладал Владимир Вениаминович! Не вполне справедливо связывание такого молчания «с определенным настроением», как и с ущербностью читателей. Читатель, тем более философствующий, не боязлив, достаточно посмотреть на темы выступавших на Международной конференции в Санкт-Петербурге в 2013 г., чтобы обнаружить, что нет ни стеснения в выборе частных тем, ни страха перед неполнотой объяснения.

Всё, о чем я писала выше: о соотношении массы и индивида, о личности и индивидуе, об отношении к государству и с государством, – это интересовало и его, но как бы наискось (критическое отношение к устойчивым представлениям родило их с Огурцовым). Он ссылается на Гераклита, который ставит проблему соотношения массы и индивида в связи с действием логоса, который «правит всем и каждым» [Бибахин 1993]. «Толпа, стало быть, собственного разума не имеет». Само по себе это выражение странно: толпа – такая же вещь, как книга на моем столе или очки, не имеющие разума? Но она движется, несётся, выражает мнение... Мы же говорим: мнение толпы. Но вот оказывается, что, собственного разума не имея, «толпа “живёт” так, словно разумение принадлежит каждому человеку отдельно». Значит, не просто вещь, подобная очкам. «Значит, не нужно проделывать никакого особого пути к всеобщему. Оно и так с нами. Уйти от него мы не можем». Получается, что у толпы всё-таки есть мнение: она живёт как один.

Какая-то изначально универсалистская установка, заставляющая пересматривать всю философию, прежде всего – средневековую, основанную на универсалистских принципах, чтобы понять: в средние века читали не только Аристотеля, на которого ссылались Августин, Боэций, Абеляр, но читали всех – например, Гераклита, пусть и через Аристотеля или иные источники информации. И это гораздо мощнее всех нынешних суждений о толпе. «Всем присуще мышление», если присуще каждому.

Я иду за текстом Бибикина, за какой-то одной его фразой, разразившейся затем многими. И заблуждение толпы оказывается не в стандартизации и обыд(л)енности, а именно в том, что человек сам себя способен, не желая того, сделать толпообразным, массовидным. «Заблуждение толпы не в том, что она в каждом её составляющем развивает отдельное мышление – такое развить у себя отдельный человек не имеет средств, – а в мнимом огораживании, в воображении каждого, будто логос прежде всего, в своём источнике принадлежит ему». Так в чем истина толпы? Ведь если есть заблуждение, то есть и истина? Или в другом месте: «Как раз обособление делает нас пылинкой толпы». Что же тогда личность (лицо – любил говорить Владимир Вениаминович), индивид? «Чтобы не походить на толпу, не быть в общей массе, надо следовать всеобщему разуму и смыслу, не пытаюсь отгородиться в отдельную самость». Это ведёт не столько к индивидуальному, сколько к персональному, через себя, к своей свободе-собственности.

«Не будь толпой, не обособляйся». «Следовать общему, сделать так, чтобы на тебе именно потому и благодаря тому, что ты не огородился в частное, толпа прервалась, перестала быть толпой». «Прервалась толпа» – какое прекрасное выражение! Но какая мысль здесь толкается? Как, не огородившись, не обособившись, перестать быть толпой? В этом – Бибикин: поставить вопрос так, чтобы ты не взирал на него с восхищением, не воспринял сказанное за истину, ибо «философское надо парадоксально, а мир открыт в свободу», но, ошеломлённый, пошёл искать её заново, задумавшись, т. е. молча. Потому – догадничество. Потому – возврат. И ссылка на авторитет: на Аверинцева, говорившего, что «русские не то что сообразительны, но догадливы» [Там же: 69].

Вот что, на мой взгляд, означает молчание читающих его, а не боязнь или профессиональная зависть академического сообщества.

Очевидно, что моё название статьи «Инакомыслящие» Бибикина тоже озадачило бы. И Гераклита, который «хлещет толпу», озадачило бы. «Нет надобности быть инакомыслящим. Ἀλλοφρονών, инакомыслящий значит в греческом также беспамятный, потерявший ум, помешанный». Но так и есть – вот только относительно чего? Ум-то при начале всегда мешается, его как бы нет. А потому вопрос не о внутренней драме логоса, а о драме внутрлической, каждого человека, который может быть и толпой, и самим по себе. Это и есть новый вопрос поколения (два в одном). Явление Бибикина, предчувствовавшего другое начало, как бы заканчивает эпоху, начатую Аверинцевым. Неслучайно Аверинцев был первым, кому он подарил «Язык философии», драгоценную (и для него самого) книгу.

Цену себе он знал. Он как-то сказал мне: я становлюсь модным, как себя вести? Я отмахнулась: а как себя вести?

Мысль Бибикина, напряжённо работающая с событием настоящего, погружена в мир как в дом, напоминая о Мире Миров Гефтера. Но всё оказалось непохоже. Был запущен вирус непохожести. Я однажды сказала, что никогда не хотела, чтобы сын был на меня похож, он в ответ: он и так на вас не похож. – Разве вы его знаете? – Нет, но у каждого свои задачи. В отличие от эсхатологии Гефтера, возникло восхитительное бибикинское, как говорил С.С. Хоружий, «чувство бытия – это чувство: Бытие – вот! Вот оно!» [Хоружий б/г]. К тому же неожиданно твердо зазвучали слова Бибикина, что одна и та же истина возникает не однажды, а бесконечное число раз. Это значит, что «стихия безумного экстаза, пейзаж апокалиптики окружают философскую мысль; она оглядывается на него с робким смущением, с неподдельным уважением, но держится своей трезвости». Это значит, что «снова и снова, издревле и ныне, и вечно ищут, и вечно встают в тупик, спрашивая, что есть сущее, т. е. что есть бытие» [Бибикин 2010: 4–5].

При понимании и желании охватить мир всего возникает своеобразный эффект задержки, который есть свидетельство переходности себя в себя, в себя другого, часто принимаемый за силу простого повтора, традиции, за которую, как за соломинку, хватается уходящее «культурное» поколение, естественно не признающее «элементарной логики» ухода. Биби-

хин же желал понять именно логику возвращения. Этому посвящено немало страниц в книге «Лес». Когда он писал о птицах, которые летят, угадывая, где именно у солнца выпрямляются лучи, когда они попадают в нужный «перепад температуры», то это угадывание-изобретение совершается на молекулярном уровне, к которому птицы «приписаны, как крепостные крестьяне к своим сёлам» [Бибихин 2011: 355]. Этот переход от птиц к земле и крестьянам в высказывании обнаруживает гораздо большую всеобщую жизненную связь, чем если бы мы дотошно – диалектически (у Платона есть объяснение, возникшее из недоумения, о связи человека с птицей) – научно прослеживали эту связь. Хотя при этом невольно напрашивается вывод, что прежнее российское состояние прямо следовало природе – впадение в неё есть то, что Бибихин назвал попаданием. Его акцент, конечно, на сам приём, который работает безотказно. Правильное нахождение приёма воздействует на понимание чего-то, что больше содержания, сущности, хотя все это он знал безукоризненно: поражаешься количеству и качеству его знания. Но само нахождение приёма, своеобразное изобретение – это и есть практика восстановления (важный для него термин), возврат, позволяющий уцелеть, способствующий выживанию.

О догадничестве говорили многие: Библер, Петров, но Бибихин раскрывал процедуру догадничества, ибо без догадки нельзя искать. Догадничество – свойство философствования, возникающее там, где все кончается и не на что опереться: надо догадаться, как начать. Догадничество – толкач философствования. На этого толкача нужно работать. Этот взгляд соответственно рождает ответственность за плод подготовки. Я помню диалог, возникший между Бибихиным и Огурцовым.

Огурцов: Владимир Вениаминович, Ваш комментарий к такому-то фрагменту «Логико-философского трактата» Витгенштейна позволяет думать...

Бибихин: Александр Павлович, если Вы считаете, что написанное о трактате – комментарий, я обижусь. Это сам Витгенштейн.

Тогда я: Владимир Вениаминович, если то, что Вы говорите, это слова Витгенштейна, почему Вы подписываете книгу «Бибихин».

Он подумал: Сказал Витгенштейн, но ответственность я беру на себя.

Это значит, что он продумал Витгенштейна до Витгенштейна и – впал в его мысль.

Держать мысль! И не соглашаться

Смена государственного статуса, пожалуй, одно из самых сильных впечатлений. Мы не думали, что советская власть и КПСС рухнут при нашей жизни. Участие в митингах, обсуждение социально-политических проблем, радость от выхода на свободу одних политзаключённых и протесты против удержания других – все это воспринималось как начало новой политически регулярной жизни, начало очередного нового мира, тем более что для философов термин «начало» – завораживающий термин. Сейчас мы, очевидно, присутствуем при крушении того нового мира 1960-х и при постоянном реформировании этого нового мира начала XXI в. Имя новому «новому миру» – гибридность (старое имя «принципат» не хуже в смысле обозначения политической сущности, но не содержит намёка ни на наступающие на нас петрогосударство, ни на коммерческое государство, ни, конечно, на институты сетевых структур). Но этому миру, которому присущи цифровизация и высокотехнологичное производство, стал не менее присущ рост социальной напряжённости, возникший как следствие социального неравенства, разного доступа к образованию, обезличенности: люди в масках, сериалы с одинаковыми сюжетами, неиграющими актёрами, бесконечные безумные суды и странные войны, каждая из которых милитаризует сознание и делает убийство нормой, поставившей под вопрос саму необходимость философии как действительно дающее обоснование бытию и мышлению и как свободомыслие. Философ старается вмешаться в социальный процесс (размышлением или личным участием в политических акциях), не будучи (как мне

кажется и как было бы хорошо, если бы я ошиблась) готов к изменившимся обстоятельствам. Мы, как в начале оттепели, стоим перед дилеммой: так жить нельзя, а потому надо принимать меры, чтобы вернуться в цивилизованное русло, но цивилизация поправа, или (см. Гефтер) её у нас и не было, или составлять уставы «новых Атлантид». Возникающий сейчас новый межпоколенческий разрыв – одно из выражений обескураженности, ибо гибридность государства состоит даже не в сочетании автократии с незавершённой демократией, а в таком – новом – качестве государства-нефтедобытчика, которое в силу того, что добыча нефти не требует большой трудоёмкости, становится независимым от народа, независимым от налогов [Эткинд 2019: 8], а потому способно пресекать всяческую активность, в основном направленную на восстановление гуманистических принципов. Если учесть, что в основе этого государства, имеющего дело с массой населения, лежит патерналистская модель социальной политики, в которой тоталитаризм не изжит, то его последствием будет рост социальной пассивности граждан, которые будут уповать на государство в решении социальных проблем, т. е. снова обращаться к прошлому.

М.К. Петров, много писавший о традиции и поколениях, объяснял обращения к прошлому тем, например, что в кризисных ситуациях, в том числе при появлении новых проблем, возникает необходимость найти прецеденты или концепции, «позволяющие “понять” проблему... Обращение к прошлому, к истории всегда имеет для науки смысл... поиска опор для прыжка к пониманию и решению» [Эткинд 2019: 22–23].

Но если в «той» жизни за опытом прыгали, то в цифровую эпоху вопрос стоит иначе: в какой мере вообще нужен прошлый опыт, ибо скорости сейчас таковы, что целое можно как бы увидеть с высоты космического полёта, а на самолёте можно за сутки попасть на другой конец света, где иные обычаи, где можно укрыться от правосудия, где вообще оно другое, как и другие нормы быта? О современном положении дел Петров не размышлял – он умер накануне появления компьютерных технологий и соответственно резкого отставания осмысления жизни от жизни фактической. «На правах постулата» он принимал за основу некую единую «матрицу фрагментирования корпуса социально-необходимой деятельности» [Там же: 87], каждая клетка которой – имя и адрес «закодированной в знаке», т. е. «врождённой, деятельности»; отсюда происходит теория типов, идея безличного всеобщего. Отсюда же «религиозно-мистический характер европейских попыток найти всеобщее знаковое основание» [Там же: 134]. Но нынешнее государство разрушило старую матрицу. Отсюда и ощущение полного отчуждения от цивилизации или: требование нового прочтения гефтеровой истории.

В «Паролях» наш современник Бодрийяр пишет о том, что сейчас реальность стала виртуальной не в старом философском смысле этого слова, при котором предполагалось, что виртуальное стремится стать актуальным, а в смысле замещения и разрушения актуального виртуальным. Станным образом совместились Запад и Восток, если считать таковым Россию: «их» движение философии конципировалось с «нашей» практикой жизни.

Чтение Бодрийяра даёт ответ на вопрос, стоит ли ждать помощи от прошлого. Он сравнивает такие поиски с Орфеем, «который слишком рано оборачивается, чтобы взглянуть на Эвридику, и в результате навеки отсылает её в царство теней...» [Бодрийяр 2006]. Вот почему я в состоянии говорить о ней лишь в терминах симуляции. Степень социологической истинности, содержащейся в такой позиции, неясна, но и не должна быть ясной, в ней содержится много направлений, которые надо тестировать. Бодрийяр полагает, что, хотя мы постоянно говорим о коммуникации, в реальном мире её нет из-за того, что «вещи становятся слишком реальными», «некая таинственная сила приближает их к нам вплотную». Мы оказываемся в «...чрезмерной близости к вещам, вследствие чего в нашем обществе непосредственной реальностью оказывается всё – и они, и мы... В такого рода мире уже нет коммуникации, зато имеет место заражение... инфекцией вирусного типа при бесчисленных непо-

средственных контактах. Или, если угодно, здесь царствует промискуитет: всё напрямую, никаких дистанций, ничто не очаровывает» [Бодрийяр 2006].

Когда в самом начале мы говорили об осознании в медицине мутирования вируса, это значит, что он пришел не просто надолго: он сама информация и деструктор информации. Под его воздействие попадает весь мир.

И мы оказываемся в той же позиции, как перед нерасшифрованным линейным письмом А сокрушённой крито-микенской культуры? Мы оказываемся не наследниками утраченной в археологическом смысле культуры, хотя в чем-то знакомой, скажем, в начертании символов, а полностью новыми, неисторическими существами, приписываем свои знаки и символы другим, не зная их собственного значения. Мы могли бы прийти, как говорил Петров, «к безрадостным выводам о примитивности подавляющего большинства наших навыков, о безграмотном их фрагментировании» [Петров 1991: 133].

Но ответ Бодрийяра другой. «В политическом плане важно не смешивать два уровня поведения: фронтальную реакцию и незаметную со стороны разрядку... Реагировать – значит принимать меры» (вариант Петрова). Но «это значит пытаться дестабилизировать систему».

В случае же с разрядкой дело обстоит иначе: разрядка предполагает, что нечто просто исключается, просто-напросто не принимается нами, что мы не боремся с ним и не испытываем никаких иллюзий относительно возможности его уничтожения – оно не удовлетворяет нас, и это всё... Сегодня такого рода *abreacting*... знак того распространившегося в обществе глубокого недовольства ситуацией, которое характерно для людей, не видящих своего противника, люди-то в масках, «и которое не может получить достойного выражения в рамках критической мысли» [Бодрийяр 2006]. Сталкиваясь с неуловимым врагом, «нужно самому стать невидимым и неуловимым. И необходимо, чтобы вирулентность была присуща также и твоему мышлению. В этом выводе нет ничего пессимистического», ибо, утверждает Бодрийяр, «наша мысль, конституируя себя как вызов, должна соответствовать парадоксальности, неуловимости и алеаторности» (рискам!) «угрожающей нам системы... Мы слишком часто предаёмся иллюзии, будто стоящие перед нами проблемы можно решить традиционными средствами – мы по-прежнему объединяемся в профсоюзы, протестуем, выходим на демонстрации, как если бы окружающий нас мир несколько не изменился» [Там же].

Но зачем тогда обращение к прошлой культуре? Зачем это было Бибахину, запустившему вирус вопрошания? Не исключено, что «зачем» – это неправильная постановка вопроса. Она просто уже впиталась в плоть и кровь и работает, направляя нас, вот это живущее поколение в разные русла, позволяя нам не только принимать разные решения, но запускать разные проекты ради поисков новых путей.

Агамбен Дж. б/г. *Мысли о чуме*. – Доступно: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-riflessionisulla-peste>. – Проверено: 11.06.2020.

Ахутин А.В., Берлянд И.Л. 2020. Дело Библера. – *Вох. Философский журнал*. – № 29. URL: <http://vox-journal.org>

Бердяев Н.А. 1947. *Опыт эсхатологической метафизики*. – Париж.

Бибахин В.В. 1993. *Язык философии*. – М.: Наука.

Бибахин В.В. 2001. К определению сущности перевода. – Бибахин В.В. *Слово и событие*. – М.: Эдиториал УРСС.

Бибахин В.В. 2005. *Введение в философию права*. – М.: ИФ РАН.

Бибахин В.В. 2010. *Слово и событие. Писатель и литература*. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.

- Бибихин В.В. 2011. *Лес (hyle). (Проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии)*. – СПб.: Наука.
- Библер В.С. 2002. *Философия и религия*. – Библер В.С. *Замыслы*. – М.: РГГУ.
- Библер В.С. 2010. О книге М.К. Петрова «Язык, знак, культура». – *Михаил Константинович Петров* / Под ред. С.С. Неретиной. Сер.: Философы России второй половины XX века. – М.: РОССПЭН.
- Библер В.С. б/г(а). *Диалог и диалогика*. – Доступно: <https://www.culturedialogue.org>. – Проверено: 06.08.2020.
- Библер В.С. б/г(б). *Ю.М. Лотман и будущее филологии*. – Доступно: <http://www.ruthenia.ru>. – Проверено: 31.07.2020.
- Богатов М.А. б/г. «Почему Бибихин – не Хайдеггер?» О контрапунктах и синкопах русской философской полифонии. – *Гефтер*. – Доступно: <http://Gefter.ru>. – Проверено: 02.08.2020.
- Бодрийяр Ж. 2006. *Пароли. От фрагмента к фрагменту* / Пер. с франц. Н. Сулова. Екатеринбург: У-фактория. – Доступно: <https://www.litmir.me/>. – Проверено: 24.07.2020.
- Гефтер М.Я. б/г. *Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством*. – Доступно: https://bookz.ru/authors/mihail-gefter/tret_ego_895.html. – Проверено: 31.07.2020.
- Гуревич А.Я. 2004. *История историка*. – М.
- Дело молодых историков... 2010. *Дело молодых историков (1957–1958)*. – *Подвластная наука? Наука и советская власть?* – М.: Голос.
- Добренко Е. 2014. *МетаСталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики*. – *Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. – № 4 (28).
- Дубин Б. 2002. *Поколение: социологические границы понятия*. – *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. (Анализ результатов опросов)*. – № 2.
- Интервью... 2005. *Интервью с профессором Огурцовым*. – *Личность. Культура. Общество*. – Т. VII. – Вып. 3 (27).
- Карпенко А.С. 2016. *Тоска по философии*. – *Философ и наука. Александр Павлович Огурцов*. – М.: Голос.
- Кроче Б. 1999. *История, хроника и ложные истории*. – Кроче Б. *Антология сочинений по философии*. – СПб.
- Левада Ю.А. 2002. *Заметки о «проблеме поколений»*. – *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. (Анализ результатов опросов)*. – № 2.
- Неретина С.С. 2005. *Точки на зрении*. – СПб.: РХГА.
- Неретина С.С. 2008. *Философские одиночества*. – М.: ИФ РАН.
- Неретина С.С. 2018. *Онтология памяти. К 100-летию М.Я. Гефтера*. – *Вox. Философский журнал*. – № 24. – URL: <http://vox-journal.org>
- Неретина С.С., Гусева А.А., Мурзин Н.Н. 2018. *Время истории: парадоксы понимания*. – М.: ИФ РАН.
- Нора Галь. 2019. *Мама Маленького принца. Неизвестный архив Норы Галь*. – М.: АСТ.
- Пелевин В. 1999. *Generation «П»*. – М.
- Обсуждение... 1966. *Обсуждение VI тома «Истории философии*. – *Вопросы философии*. – № 3.
- Огурцов А.П. 1989. *Подавление философии*. – *Общественные науки*. – № 3. – С. 161–183; переопубликовано в кн.: *Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма* / Сост. Ю.П. Сенокосов. – М.: Политиздат.
- Огурцов А.П. 2014. *Этос философии науки*. – *Философия и культура*. – № 7 (79).
- Павловский Г.О. 2014. 1993. *Элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером*. – М.: Европа.

- Петров М.К. 1991. *Язык, знак, культура* / Отв. ред. С.С. Неретина. – М.: Наука: Гл. ред. вос- точной литературы.
- Садовский В.Н. 1993. Философия в Москве в 50-е и 60-е годы. – *Вопросы философии*. – № 7.
- Сепир Э. 1960. Положения лингвистики как науки. – *История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях*. Ч. 2. – М.
- Спор логических начал... 1989. *Спор логических начал* / Отв. ред. С.С. Неретина. – М.: ИФ АН СССР.
- Тищенко П.Д. 2018. Биография В.С. Библера как опыт радикального выбора себя? – *Вох. Философский журнал*. – № 24. – URL: <http://vox-journal.org>.
- Трифонов Ю. 1979. Воспоминания о муках немоты. Фединский семинар сороковых годов. – *Дружба народов*. – № 10. – С. 185.
- Туманова Л.Б. 2010. *Свобода и разум. Избранные философские работы*. – М.: Канон+.
- Уайтхед А.Н. 2009. *Приключения идей* / Пер. с англ. Л.Б. Тумановой. – М.: ИФ РАН.
- Философ и время... 2018. Философ и время. Круглый стол к 100-летию со дня рождения В.С. Библера. – *Вох. Философский журнал*. – № 24. – URL: <http://vox-journal.org>
- Философские поколения... 2022. *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 1232 с., ил.
- Хоружий С.С. б/г. *Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии*. – Доступно: <https://omiliya.org/article/bibihin-haydegger-palama-v-probleme-energii-sergey-horuzhiy>. – Проверено: 03.08.2020.
- Эткинд А. 2019. Русская болезнь. Политические последствия сырьевой зависимости. – *Огонек: еженедельный журнал*. – № 43.
- Chartraine P. 1968–1970. *Dictionnaire étimologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Т. I–II. – Paris: Klincksieck.
- McTaggart J.M.E. 1927. *The Nature of Existence*. V. II. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Romano C. 2019. *Être soi-même: Une autre histoire de la philosophie*. – Paris: Gallimard.